

Джеймс Бернс

**Франклин Рузвельт.
Человек и политик**

«Центрполиграф»

2004

Бернс Д. М.

Франклин Рузвельт. Человек и политик / Д. М. Бернс —
«Центрполиграф», 2004

Автор книги о Франклине Рузвельте, впервые в истории США избранного президентом на третий (в 1940 г.), а затем и на четвертый (в 1944 г.) срок, – историк, профессор Джеймс Макгрегор Бернс, в 40-е годы работал помощником конгрессмена в Белом доме и изнутри познакомился с политической кухней Америки, в частности с деятельностью администрации президента. В своей книге Бернс дает подробную характеристику президенту и как человеку, и как политику. Огромный пласт малоизвестного у нас исторического материала с неожиданной точки зрения показывает большую игру как захватывающую интригу борьбы интеллектов и характеров.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Пролог	7
Часть первая	27
Глава 1	27
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джеймс Макгрегор Бернс

Франклин Рузвельт. Человек и политик

Государь не должен иметь перед собой никакой иной цели, никакой иной мысли, кроме как о войне, ее методах и ходе ведения, потому что это единственная сфера знания, необходимая тому, кто правит... Государь должен изучать историю, обращать внимание на деяния великих мужей в исторических обстоятельствах, выяснять причины их побед и поражений... Мудрый государь должен приобретать такие привычки... для того чтобы быть готовым удержать фортуна, если она отворачивается от него.

Макиавелли. Государь. 1532 г.

История плетется с ненадежным светильником по колею прошлого, пытаясь воссоздать ушедшие события, оживить былые звуки, разжечь тлеющей лучиной бурные страсти прошлых дней. Что можно почерпнуть из всего этого? Единственным гидом человека является его совесть. Только честность и искренность его поступков могут сохранить добрую память о нем. Весьма неразумно шагать по жизни без такой охраны, потому что мы часто оказываемся в жалком положении, когда рушатся наши надежды и расчеты. Но с такой защитой мы всегда сохраним честь, как бы судьба ни играла нами.

**Речь Уинстона Черчилля в палате общин
британского парламента, 9 ноября 1940 г.**

Понимаете ли вы, что не существует никакой определенной (ненавижу это слово), раз и навсегда написанной краткой истории наших войн?... Нам следует... снова и снова следить за тем, как бьется изю дня в день пульс общественного мнения, как влияют события на различные категории граждан, как ведется пропаганда, какую роль играют газетные бароны... Эта работа не легче, чем война. Это не просто скучная история... Это попытка поймать великую мечту раньше, чем она погибнет.

**Письмо Франклина Д. Рузвельта
Арчибалду Маклейшу от 9 июня 1943 г.**

*Посвящается Джоан, Дэвиду, Стюарту и Салли,
Деборе, Тринаху, Бекки, Питеру.*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема, которая выносится на обсуждение в этой книге, состоит в том, что Франклин Д. Рузвельт в качестве военного лидера как бы состоял из двух частей. С одной стороны, человек твердых принципов, одержимый идеалами и верой, склонный планировать на много лет вперед. С другой – реалистичный политик, весьма осторожный, преследующий узкопрактические, краткосрочные цели, готовый всегда отстаивать свою власть и авторитет в обстановке изменчивых настроений и капризов судьбы. Этот дуализм характерен не только для Рузвельта, но и для его советников, – притом что Генри Стимсон и другие деятели убеждены в «правоте» своего дела, а иные следуют древней практике «Государя». Дуализм проник в умы всех аме-

риканцев, метавшихся между евангелическим идеализмом, сентиментальностью, утопизмом одной эпохи и традициями национального эгоизма, изоляционизма и расчетливости – другой.

Этот дуализм пророка и государя не представляется четко очерченным. Нельзя разложить по полочкам сложное борение ума и сердца Рузвельта или сочетание неясной идеологии и изменчивой политики США. Нет универсального ключа к тому, чтобы понять подход Рузвельта к войне. Анализ деятельности его военной администрации требует поднять целый ряд тем.

Одна из них – происхождение холодной войны. Причины вражды России и Запада после Второй мировой войны многосложны и имеют глубокие корни в российской, европейской и американской истории; я пришел, однако, к выводу, что решающий поворот к холодной войне произошел как раз во время столкновения с нацистами, в тот самый период, когда отношения Великобритании, США и России внешне переживали чуть ли не эйфорию, – во всяком случае, так они выглядели.

Другая тема – трансформация президентской власти. Именно во Вторую мировую войну – третий срок президентства Рузвельта, – а не в прежние годы – «нового курса» – заложены основы современного президентского правления. Судами поддержаны санкционированные президентом ограничения свобод, например в сфере японо-американских отношений. Конгресс сохранял строптивость во второстепенных вопросах, но в целом проявлял уступчивость в решении важных проблем. Война потребовала усилить влияние президентской власти: окрепла «президентская пресса», бюрократия приспособила к войне свои методы работы.

Третья тема затрагивает перемены в американском обществе. Война вообще чревата социальными переменами. Вторая мировая война пробрала американцев до мозга костей. Миграция белых и черных американцев на большие расстояния; совершенствование методов ведения войны Соединенными Штатами и другими странами; создание более эффективной и опасной военной промышленности, особенно атомной и электронной, – все это имело революционные последствия для американского общества.

Но всегда нужно помнить о дуализме военной стратегии Франклина Рузвельта, а также настроений и действий американцев, ибо этот дуализм объясняет все менее значительные проблемы, доставшиеся от войны. Именно потому, что Рузвельт действовал как солдат, стремящийся добыть победу с минимальными потерями жизней американцев, и как идеолог, добивающийся «четырёх свобод» для всего человечества, его великая стратегия страдала противоречиями, которые испортили отношения США с Россией и Азией. В какой-то мере как раз потому, что Рузвельт смотрел на Белый дом как на свой личный офис, последующие главы исполнительной власти столкнулись с острой проблемой – проблемой руководства гигантскими бюрократическими учреждениями, возникшими на берегах Потомака. Отчасти действительно потому, что федеральная власть во время войны не справилась с управлением быстротекущими социальными и экономическими процессами, особенно в сфере расовых отношений, войной ускоренных; что ей не удалось соблюсти баланс интересов в обществе, – упомянутые процессы вышли из-под контроля.

Все это не умаляет тем не менее значения Рузвельта как политика. Он подхватил знамя Вудро Вильсона, разработал новые символы и программы, с тем чтобы реализовывать вечные идеалы мира и демократии, мечом и пером победил своих врагов и умер в последнем отчаянном усилии построить всемирную цитадель свободы. Он заслуживает внимания и сегодня, особенно со стороны тех, кто отвергает старые догмы государей и добивается того, чтобы народы и государства строили свои отношения на идеалах любви и веры. Он был истинным солдатом свободы – во всем символическом и ироничном смысле этих слов.

Дж. Бернс

Пролог ОСЕНЬ 1940 ГОДА

Сквозь вечернюю мглу, окутавшую южную лужайку, деревья и за ними – Гудзон, пробивался свет из особняка. Внутри, среди многочисленных родственников и друзей президента, поглощавших яичницы-болтуни, нарастало ликование, по мере того как с трясущихся теле-тайпов поступали новые сообщения об итогах выборов. Президент, без пиджака, с распушенным галстуком, сидел в небольшом окружении в столовой, перед разостланными листами сводок. Была ночь после голосования – 5 ноября 1940 года.

К полуночи обитатели дома бросились к окнам, услышав снаружи шум, – там началась суматоха. Помощники Франклина Делано Рузвельта обеспечивали свободный проход для президента в поющей, возбужденной толпе соседей его семейного обиталища в Гайд-Парке, собравшейся у портика. Горели факелы, тени их пляшущих огненных языков играли на кронах хвойных деревьев, что огораживали кусты роз, на длинной белой балюстраде. Оркестр отбивал бравурный марш. Трепетал на ветру плакат: «Третий срок обеспечен!»

Открылась дверь; Франклин Рузвельт, прихрамывая, опираясь на плечо сына, двинулся к балюстраде. Вспышки фотокамер высвечивали его лицо – дородное и красное. Президента сопровождали мать Сара, супруга Элеонора, сыновья Франклин и Джон с женами. В глубине портика, поодаль от всех, стоял взволнованный Гарри Гопкинс; он тыкал кулаком в ладонь, победно пританцовывая. Сквозь толпу протискивался парень с плакатом, на котором слова «Третий срок обеспечен!» были написаны поверх «Долой крадущего третий срок!». Президент вместе со всеми потешался над этим.

Наконец-то вот он – момент, когда Рузвельт почувствовал огромное облегчение. Ранним вечером его еще тревожили сводки из Нью-Йорка; но гораздо важнее, что несколько недель его беспокоили зловещие силы, готовые, казалось, примкнуть к оппозиции. Он полагал также, что слишком много сограждан настроены на умиротворение Гитлера. Допускал, что большинство искренне считают свою позицию благом для страны, но она все равно проистекала из материализма и эгоизма. Доходили не вполне внятные сигналы о тайной деятельности «пятой колонны». В тот вечер, когда велся подсчет голосов, Рузвельт, обращаясь к Джозефу Лэшу, заметил:

– Кажется, нам удалось предотвратить путч, Джо.

Но сейчас, стоя перед массой людей, президент мог забыть о напряжении предвыборной кампании и выборов. Он шутил с собеседниками и предавался воспоминаниям о давнем поразительном торжестве в Гайд-Парке, где, по традиции, отмечались ночью победы на выборах.

– Некоторые седобородые старцы вроде меня, – говорил он, – помнят 1912 год и даже 1910-й. Но немногие, думаю, свидетели торжеств в Гайд-Парке помнят, как и я, более ранние события. А я утверждаю, что помню, хотя мои родные не верят в это, первые выборы – Гровера Кливленда, в 1884-м.

Мне в то время было полтора года, но факельное шествие той ночи осталось в памяти...

А этот малец, Франклин Рузвельт-младший, – он только что интересовался, стану ли я президентом третий срок подряд, – тоже запомнит нынешнюю ночь. Он там, в той комнате, ему тоже сейчас полтора года...

Нас ожидают трудные времена, но в будущем я останусь для вас тем же Франклином Рузвельтом, которого вы знали многие годы.

Я всегда был и останусь с вами.

ГАЙД-ПАРК

«Тем же Франклином Рузвельтом, которого вы знали...» Немногие в толпе, должно быть, помнили Франклина подростком, когда он бродил по полям в снегоступах, подстреливал птиц для коллекции, катался на коньках и буерах по ледяной поверхности Гудзона. Затем он стал бывать в Гайд-Парке реже, – каждую осень парень отправлялся учиться: четыре года – в Гротон и еще четыре – в Гарвард.

Возвращался к вдовствующей матери, но ненадолго. Вскоре Франклин женился, весьма кстати, на своей дальней родственнице Элеоноре Рузвельт, племяннице президента Теодора Рузвельта. И снова покинул Гайд-Парк – на этот раз ради Манхэттена, где изучал право и практиковал в качестве юриста. Стал часто появляться в Гайд-Парке осенью 1910 года, когда целеустремленно боролся на выборах за место сенатора в Нью-Йорке. Но после этого снова удалился в другие края, в Олбани, где прожил два года в качестве демократа – противника коррумпированного Общества Таммани; потом переехал в Вашингтон, где был помощником морского министра в администрации Вудро Вильсона. В 1920 году исколесил страну, добиваясь поста вице-президента.

Затем Рузвельт неожиданно вернулся домой снова. Тело его, казалось, стало сокращаться, длинные ноги отказывались ходить. Политическая карьера рухнула. Семь лет, оставаясь в Гайд-Парке, он искал средство излечения от детского паралича, ползая по пустующим пляжам Флориды, принимая целебные ванны в Уорм-Спрингсе, штат Джорджия. Франклин не нашел такого средства. Но нашел себя – занял устойчивую политическую позицию, сделал самые высокие политические ставки. В 1928 году друзья помогли ему перебраться в Олбани, откуда он в течение четырех лет руководил в качестве губернатора штатом Нью-Йорк. В марте 1933 года, в обстановке углублявшейся экономической депрессии, отправился из Гайд-Парка в Вашингтон, чтобы восемь лет энергично руководить страной, переживавшей кризисы и относительные подъемы.

И вот 1940 год. Рузвельт расстался с надеждой добиться третьего срока президентства традиционным путем, поскольку ему противостоял опасный соперник в лице Уэнделла Уилки. Он погрузился в водоворот изменчивых политических альянсов и яростных споров о внешней политике. Ему досаждали изоляционисты в обеих партиях, профсоюзный ренегат Джон Л. Льюис, наметившийся разлад с прежним руководителем его выборных кампаний Джеймсом А. Фарли. На политическую обстановку в Америке оказывала преобладающее влияние фигура Гитлера. Президенту, более всего дорожившему свободой выбора и возможностью распоряжаться временем, пришлось в разгар предвыборной кампании передавать Англии эсминцы и призывать на военную службу американских парней.

Победа на выборах давалась дорогой ценой. В последние, решающие дни Рузвельт сделал изоляционистам весьма нежелательные уступки. После того как Уилки прямо высказал прогноз: третий срок президентства повлечет за собой диктатуру и войну, Рузвельт решительно заверил «матерей Америки», что их «сыновья не будут посланы воевать за рубеж». Между тем в отношении Гитлера он несколько месяцев проводил идею: фашизм повсюду – угроза демократии; нацисты не удовольствуются захватом Европы, но с помощью своих младших партнеров – Италии и Японии – попытаются прибрать к рукам в конечном счете весь мир. И вот на фоне этого такое категоричное обещание матерям Америки!

Теперь он снова достиг апогея власти и престижа. Но кем был на самом деле Франклин Рузвельт? Искусным политиканом, сумевшим выстоять под градом политических выпадов республиканцев, а затем обойти их с флангов и победить в последние две недели предвыборной кампании? Питомцем семейного дома в Гайд-Парке – таким, который никогда, по существу, не отрывался от семьи и оценивал людей и события на основе старомодных стандартов «поло-

жение обязывает», долга аристократа и идеалов отмирающего прошлого? Выпускником привилегированной школы Гротона – все еще воодушевлялся увещеваниями ее ректора Эндикота Пибоди насчет честности, общественной морали и справедливости? Государственным законодателем, принявшим в самый разгар реформ чуть ли не радикальный фермерский лейборизм в стиле партии Сохатого – Теодора Рузвельта? Политиком от коалиции демократов, научившимся сделкам и компромиссам с боссами демократической штаб-квартиры Таммани, профсоюзными лидерами, отцами города, аграриями с запада, умеренными республиканцами и сенаторами-изоляционистами? Интернационалистом типа Вильсона, добившегося создания Лиги Наций, а затем вышедшего из нее? Гуманистом, способным потратить миллиарды долларов на пособия по безработице и возмещение убытков и в то же время почти одержимо отстаивать сбалансированный бюджет? Врагом тоталитаризма, который во время мюнхенской агонии выступал в качестве наблюдателя, красноречивого, но бездеятельного? Мог ли он быть один во всех этих лицах?

Никто не мог бы ответить на эти вопросы в ночь после голосования в ноябре 1940 года, и, уж конечно, не соседи по Гайд-Парку. Однако они, возможно, придавали некоторое значение тому, что в этот теплый ноябрьский вечер вокруг Рузвельта собралась масса сограждан.

Здесь присутствовала его мать, все еще активная и подвижная на восемьдесят седьмом году жизни. В 1870-м она пленяла красотой, позднее стала молодой супругой мужчины на много лет старше себя. Влияние этой женщины на становление характера юного Рузвельта оказалось преобладающим. Она стремилась удержать сына в Гайд-Парке; политика, в ее представлении, предназначалась для вульгарных субъектов. Однако мать гордилась успехом сына и пыталась хотя бы в малом быть ему полезной. В ту ночь после выборов она поведала репортеру, что не может понять, почему бизнесмены так ненавидят ее сына.

– Говорят, будто он возбуждает классовую ненависть, но его душа совершенно чужда этому. Нас воспитывали не для того, чтобы делить людей на богатых и бедных.

Находилась рядом и Элеонора Рузвельт, сияющая, оживленная, в красном шифоновом платье, столь озабоченная необходимостью занять сорок с лишним гостей, что едва ли выкроила время, чтобы ознакомиться с итогами выборов. Трудное детство сделало ее особенно чувствительной к несчастьям; бывший гадкий утенок, она сделала прекрасную партию, но ее личные тревоги на том не прекратились. Ей пришлось выносить в Гайд-Парке тягостное великодушные Сары, годы забот о пятерых детях – и в итоге узнать, что ее великолепный, возлюбленный муж находится в любовной связи с другой женщиной. Люси Меркер сама Элеонора ввела в дом в качестве секретарши на неполный рабочий день. Моложе Рузвельта на десять лет, она принадлежала к бедному, но достаточно известному католическому семейству из Мэриленда. Сердце Рузвельта завоевала привлекательной внешностью, непосредственностью, занимательным способом общения и искренней любовью. Роман этот кончился, как полагала Элеонора, главным образом потому, что Франклин опасался реакции матери и политических последствий. Но кончился ли он на самом деле? Так казалось, когда болезнь мужа прогрессировала, но вот он стал выздоравливать, – Элеоноре, поделившейся своими сомнениями с дочерью Анной, изменило присутствие духа, и она разрыдалась.

Теперь, в преддверии третьего срока президентства Рузвельта, ее уже не считали сомнительной первой леди, как тогда, когда ей было за тридцать. Многие одобряли, многие восхищались ее непрерывными благотворительными поездками по стране, ее стремлением помочь молодежи с ее проблемами, неграм, издолбленным и всем обездоленным в целом. Вне своих личных переживаний она представляла как достойный публичный политик – сочувствующая, милая, даже жизнерадостная леди, но внушающая некоторый трепет, немного дидактичная, упрямая, а порой твердая как сталь. Но это была нежная и ранимая женщина. Она и муж питали друг к другу определенную привязанность и уважение, которые сопутствуют многолетнему браку, но Элеонора всегда приносила в оценку людей и событий нравственное начало.

– Когда ты судишь о чем-нибудь, – урезонивал ее однажды Рузвельт, – то не должна быть столь прямолинейной!

Во многих отношениях она выступала всего лишь рядовым членом его команды, – возможно, сама хотела этого. Джоан Эриксон пришла к выводу, что в Элеоноре Рузвельт впервые вызрела решимость стать самостоятельной женщиной, когда она, вспоминая, как еще девочкой не сумела предотвратить социальную деградацию обожаемого отца, решила помогать страдающему полиомиелитом мужу вести активную общественную жизнь.

Рядом находился Генри Моргантау-младший – он долгие годы жил соседом в округе Датчисс. Министр финансов стал фактически членом семьи Рузвельт, поддерживая особенно тесные отношения с сыновьями президента. Нескладный, худощавый, замкнутый, он наводил порой на Рузвельтов тоску, но президент ценил его за абсолютную лояльность, твердые убеждения и, видимо, больше всего за привязанность к округу Датчисс, его флоре и урожаю.

Был здесь Гарри Гопкинс, ставший к 1940 году первым помощником президента. Внешне Гопкинс оставался проницательным, беззаботным и нелюбимым проводником «нового курса», который приводил в бешенство обывателей своей откровенной неприязнью к традициям, частыми посещениями ипподрома и язвительностью по отношению и к врагам, и к друзьям. Но внутренне он сильно изменился по сравнению с тем периодом, когда началось проведение «нового курса». Измученный болезнью и постоянными поручениями, он подрастерял интерес к вращению в кругу знаменитостей. В августе 1940 года Гопкинс оставил министерство торговли, чтобы работать и жить в Белом доме в качестве ближайшего помощника Рузвельта. Мгновенно улавливая желания и настроения президента, постигнув благодаря шефу все бюрократические тонкости, он стал, по существу, инструментом политики Рузвельта.

Среди других участников ночной сходимки в Гайд-Парке следует упомянуть Мисси Лехэнд и Грейс Талли; веселые, надежные многолетние секретарши президента неизменно улыбались, слушая бесконечно повторявшиеся президентские рассказы, и составляли Рузвельту компанию, в которой он расслаблялся после обеда, – это вряд ли получилось бы у него в обществе Элеоноры. Сэмюэля Розенмана, старого приятеля Франклина еще со времени губернаторства, теперь спичрайтера президента. Яркого одетого Стефена Эрли, порой учтивого, порой колючего, – помощника по связям с прессой. Марвина Макинтайра, бывшего газетчика и друга Рузвельта во время его работы в морском министерстве; генерала Эдвина Уотсона, прозванного в Белом доме Папой, еще одного грубовато-добродушного южанина, – он пропускал к шефу посетителей и успокаивал разочарованных. Драматурга и красноречивого либерала Роберта Шервуда, которого в кампанию 1940 года рекрутировали для составления предвыборных речей в Белый дом, где он и остался.

А сам Рузвельт? Окружающие все еще пытались определить масштаб этой личности. К концу второго срока президентства наиболее заметной его особенностью стала озадачивающая противоречивость. Он мог быть смелым и осторожным, простым в обращении и саркастичным, изысканно вежливым и почти грубым, импульсивным и выжидающим, макиавеллистски циничным и морализирующим. Противоречивость свойственна большинству политических лидеров; что касается Рузвельта, проблема заключалась в том, какой заложенный в нем принцип определял проявление этих качеств в конкретных ситуациях, если такой принцип вообще существовал.

Наконец, он отличался постоянной способностью переходить из одного настроения в другое, готовностью почти всегда брать на себя ответственность за решение потенциально опасных политических проблем, стремлением хотя бы на короткое время сбросить личину респектабельного политического лидера и играть несколько странную или забавную роль. Например, незадолго до Рождества 1940 года, когда Рузвельт работал над важной речью, в адрес его собаки Фалы поступило письмо от дога Хенрика Ван Луна – Ноддла. Немедленно Ноддлу был отправлен ответ от Фалы: «Печенье великолепно. Рада, что тебе нравлюсь. Рада, что ты нико-

гда не ездил в поезде. Потому что нашей собачьей породе претят дальние поездки в вагонах, что раскачиваются на вращающихся колесах, – например, поездки на расстояние пять тысяч миль, чтобы увидеть много островов... Р. С. Предпочитаю прогуливаться во дворе, где растут деревья и найдется место, чтобы почесаться».

Был ли у этого человека за блестящим фасадом идейный и ценностный стержень? Какие испытания его закаляли?

ЛОНДОН

В то время, когда Рузвельт встречался в Гайд-Парке с соседями, самолеты люфтваффе сбрасывали свои смертоносные грузы на Лондон и улетали обратным курсом на континент. Это происходило почти на заре. Пронзительно выли сирены, оглушенные лондонцы выбирались из бомбоубежищ после пятидесятой по счету ночной бомбардировки нацистов. Центр древней столицы изрыт огромными воронками, здания напоминали скелеты, большая часть портовой зоны обратилась в руины. На крышах домов столичных жителей трепетали крохотные бумажные «Юнион Джеки»¹.

Уинстона Черчилля воодушевило переизбрание Рузвельта. Раньше британский политик не осмеливался высказать это, но сейчас писал уже избранному президенту: «Думаю, вас не обидит, если я скажу, что молился за ваш успех и испытываю к вам искреннюю благодарность за него». Это не означает, осторожно добавлял Черчилль, что он ожидает или желает чего-то большего, чем рузвельтовская «исчерпывающая, справедливая и беспристрастная оценка самых актуальных мировых проблем сегодняшнего дня... Мы входим в наиболее мрачную фазу того, что, очевидно, явится затяжной и широкомасштабной войной... Надвигаются события, о которых будут помнить до тех пор, пока в разных уголках мира говорят на английском языке...». Как ни странно, Рузвельт никогда не откликнулся на это послание. Возможно, его молчание выражало то, что не высказано словами.

Для Черчилля наступили суровые времена. Решительный, когда дело касалось военных действий, дерзкий во время поражений, он нетерпелив и капризен в эти дни проволочек и неопределенности, когда приливы войны kloчочут мощными водоворотами и бурными потоками. В это время Англия остается в одиночестве. Королевские ВВС нанесли люфтваффе серьезные потери. Гитлер отложил, а затем и вовсе отменил вторжение немецких войск на Британские острова. Стабилизировалась оборона британских войск, как на островах, так и в Африке. Однако на этот раз стали нарастать тревожными темпами потери английского военного и гражданского флота в Атлантике. Германия оказывала давление на вишистскую Францию и франкистскую Испанию с целью вовлечь их в войну. «Свободная Франция» предприняла неудачную попытку захватить Дакар. Внутри страны экономика едва тащилась, политики ссорились друг с другом.

Старые ориентиры рушились. Под бомбами опрокидывались знаменитые памятники Лондона. Традиционные аристократические клубы попросту исчезали в промежутке между полдником и ужином. Очень часто Черчиллю приходилось перемещаться с Даунинг-стрит, 10 в помещение штаба по подземному переходу на глубине 35 футов. Там, в монашеской спальне, он продолжал работать, диктуя ясные, умные и поразительно точные указания. Он снабжал свои приказы и запросы ярлыками красного цвета с указанием: «Выполнить сегодня»; председательствовал на совещаниях в желтой палате пещерного типа, защищенной стальными балками. Неутомимый под землей, он, когда раздавались тяжелые разрывы бомб, с болезненным видом поднимался на крышу здания, где, в шинели и фуражке летчика, водонепроницаемом костюме, с противоголозом и стальным шлемом, попыхивал длинной сигарой и наблюдал, как

¹ «Юнион Джек» (Union Jack) – государственный флаг Великобритании.

горит Лондон. Его режим дня разительно отличался от рузвельтовского. Начинал он работать посреди утра, в кровати, заваленной телеграммами и сводками, позднее, утром же, встречался со своими помощниками, экспансивно председательствовал на встречах представителей штаба во время ленча, подолгу дремал после полудня, в каком бы состоянии ни находился, затем продолжал совещания или посещал один из кварталов города, подвергшихся бомбардировкам; после этого диктовал вечерние указания, проводил совещания или затевал беседы на свободные темы далеко за полночь, часто приводя в отчаяние коллег.

К концу 1940 года эти коллеги приобрели профессионализм, стойкость и легкий цинизм бывалых вояк. Компактный надпартийный кабинет министров Черчилля включал лидера лейбористов Клементу Эттли, лорда, – хранителя печати; Герберта Морисона, опытного профсоюзного босса из Ист-Энда, министра внутренних дел; сэра Кинсли Вуда, министра финансов; лорда Галифакса, министра иностранных дел. Пост министра обороны совмещал с премьерством сам Черчилль. Но руководил министерством обороны генерал сэр Гастингс Л. Исмэй, высокопрофессиональный военный, которому как-то удавалось совладать с раздражением и капризами Черчилля. Сэр Джон Дилл направлял работу королевского Генерального штаба. Лорд Луис Маунтбаттен возглавил Управление по разработкам объединенных войсковых операций. Смерть в начале ноября 1940 года Невилла Чемберлена и возвращение в конце года Энтони Идена в МИД (Галифакс назначен послом Великобритании в Вашингтоне), казалось, символизировали полную победу сторонников Черчилля. Премьер, будучи в 66 лет в расцвете сил, поочередно яростный, воодушевленный, озадачивающий, ободряющий, безжалостно эксплуатировал свой кабинет.

В это время Черчилль поддерживал с Рузвельтом несколько осмотрительные, но все же приятельские отношения, хотя встречались они лишь однажды, во время Первой мировой войны. Рузвельт помнил эту встречу, Черчилль – нет. Между двумя политиками происходил свободный обмен посланиями. Бывший моряк, как он все еще подписывался, мог в полночь отправить телеграмму в посольство США в Лондоне, откуда она в зашифрованном виде переправлялась в Белый дом. Рузвельт часто получал ее, перед тем как лечь спать. Иногда ответ американского президента ожидал Черчилля, когда тот просыпался утром.

Черчилль с восхищением следил, как Рузвельт обличал нацистов на международной арене и изоляционистов у себя в стране. Его обрадовала победа Рузвельта на выборах; теперь, предполагалось, президент начнет действовать в нужном направлении.

Однако даже на этой ранней стадии между двумя политическими деятелями существовали тщательно скрываемые разногласия: каждый представлял свою страну, каждый был патриотом. Интересы двух стран, что так тесно переплелись в эти месяцы, могли в любой момент разойтись и даже прийти в противоречие, подобно интересам вишистского режима во Франции и Лондоне. Рузвельт оставил без внимания запрос Черчилля о поставках эсминцев в мае, когда Лондон в них особенно нуждался. Сделка, состоявшаяся в сентябре, хотя в Лондоне ее горячо приветствовали, позволяла к концу 1940 года поставить на боевое дежурство лишь полдюжины устаревших кораблей. Сами по себе эсминцы явились незначительной ставкой в политической игре. Главная цель Черчилля – вывести отношения двух стран на такой уровень, чтобы их отчуждение или разрыв стали невозможны. Рузвельт добивался вместо того сделок на основе принципа «услуга за услугу» – их можно представить встревоженным конгрессменам как результат торга по типу купли-продажи лошадей, осуществлявшегося янки. Оба деятеля соглашались на компромисс: Черчилль преподнес передачу американских эсминцев и баз ВМС в аренду как «побочную сделку», отражающую общие интересы двух стран; Рузвельт представил ее конгрессу как результат выгодного торга.

Черчилль добился своего.

– Без сомнения, – говорил он в палате общин, – передача эсминцев не понравится господину Гитлеру. Не сомневаюсь, что он оплатит за это Соединенным Штатам, когда представится удобный случай.

Но теперь, когда выборы для Рузвельта закончились, Вашингтон стал проявлять странную медлительность и инертность. Куда только подевались эта активность и смелые инициативы, которых следовало ожидать от Рузвельта после победы на выборах! Президентская администрация явно следовала принципу «Америка прежде всего». Вашингтон все еще требовал оплаты за услуги наличными. Лондону все труднее становилось добиться поставок иным путем.

Через месяц после выборов Черчилль написал самое важное послание в своей жизни. «Мой дорогой мистер президент, – так начиналось письмо, – к концу этого года вы, как я полагаю, ожидаете от меня оценки перспектив на 1941 год. Я отнесусь к этому с величайшей искренностью и серьезностью, поскольку думаю, что подавляющее большинство американских граждан осознали взаимосвязь между безопасностью Соединенных Штатов, а также будущим наших двух демократий и типа цивилизации, который они отстаивают, с жизнеспособностью и независимостью Британского содружества наций. Только при этом условии бастионы военно-морской мощи, от которых зависит контроль над бассейнами Атлантического и Индийского океанов, могут быть сохранены в верных и дружеских руках...»

Продолжая оценку стратегической ситуации, Черчилль писал, что Великобритания не в состоянии противостоять огромным немецким армиям, однако может дать отпор нацистам в противоборстве военно-воздушных и военно-морских сил, где в боевые действия вовлекаются относительно небольшие контингенты войск. Для обороны Африки и Южной Азии, а также Британских островов королевство формирует 50–60 дивизий. «Даже если бы США были нашим союзником, а не только другом и незаменимым партнером, мы не стали бы просить больших американских экспедиционных сил. Этого не позволили бы ограниченные возможности транспортировки войск морем». Решающие события в 1941 году развернутся на море. Здесь Черчилль привел последние данные о потерях флота: за пятидневный срок, завершившийся к 3 ноября, потеряны суда водоизмещением 400 тысяч тонн. «Противник господствует в портах на северном и западном побережье Франции. В этих портах и на островах у побережья Франции он сосредоточивает во все возрастающих количествах свои подводные лодки, гидросамолеты, боевую авиацию. Мы лишены возможности использовать порты и территорию Ирландии для организации воздушного и морского патрулирования. Фактически сейчас есть лишь один надежный путь сообщения Британских островов с внешним миром, а именно подходы с севера; для перекрытия их противник концентрирует свои силы, более того, проводит боевые операции с использованием подводных лодок и дальней авиации». Военно-морская мощь Великобритании, даже с учетом ввода в строй «Короля Георга V» и «Принца Уэльского», дает недопустимо малую гарантию безопасности.

Черчилль указал и на возможные опасности. В любой момент режим Виши может перевернуться к Гитлеру. Если французский флот присоединится к «Оси», последняя «немедленно получит контроль над Западной Африкой, что будет иметь роковые последствия для наших коммуникаций в Северной и Южной Атлантике, а также для Дакара и, следовательно, для Южной Америки». Очевидно, что на Дальнем Востоке Япония продвинется на юг через Индокитай к Сайгону и другим базам ВВС и ВМС, угрожая таким образом Сингапуру и Голландской Ост-Индии.

Чего Черчилль хотел от Соединенных Штатов? Он перечислил свои просьбы пункт за пунктом: 1) Соединенные Штаты подтверждают приверженность доктрине свободного судоходства, на основе которой американские торговые корабли беспрепятственно входят в порты стран, не подвергающихся на законном основании морской блокаде; 2) торговые суда сопровождаются американскими военными кораблями («Думаю, совершенно невероятно, чтобы

такое сопровождение подтолкнуло Германию на объявление войны Соединенным Штатам, хотя опасные инциденты на море время от времени не исключены. Герр Гитлер продемонстрировал склонность избегать ошибок кайзера... Его девиз: „Всему свое время“); 3) в случае невозможности этого Великобритании предоставляется безвозмездная помощь, заем или большое число американских боевых кораблей, особенно эсминцев, для защиты морских коммуникаций и расширения зоны контроля Атлантики флотом США; 4) Ирландии оказываются „добрые услуги“ с целью побудить ее к сотрудничеству в таких вопросах. Затем следовал список необходимых поставок. И наконец, финансовые соображения: „Приближается момент, когда мы больше не сможем платить наличными за корабли и другие поставки... Мне кажется, вы согласитесь, что в принципе неверно и вредно для обеих наших стран, если в разгар борьбы Великобритания лишится своих платежных средств до такой степени, что останется раздетой догола, после того как ценой наших жизней будет достигнута победа над врагом, спасена цивилизация и США обеспечены всеми гарантиями от случайностей“. Разумеется, писал Черчилль, это не отвечает нормам морали или экономическим интересам никакой страны.

«Если, хочется верить, мне удалось убедить Вас, мистер президент, что разгром нацистов и фашистской тирании – это вопрос колоссального значения для народов Соединенных Штатов и всего Западного полушария, то вы отнесетесь к этому посланию не как к мольбе о помощи, но как к определению минимума действий для достижения нашей общей цели».

БЕРЛИН

Новость о переизбрании Рузвельта настигла Адольфа Гитлера в его рейхсканцелярии, занимавшей дворец в современном стиле на Вильгельмштрассе. Фюрер не отреагировал на это событие публично, не допустил ни малейшего провокационного замечания. Но через два дня в Мюнхене, в семнадцатую годовщину «пивного путча», он ответил Рузвельту, Черчиллю и всем своим врагам:

– Я один из самых твердых германских политиков за последние несколько десятилетий, возможно даже столетий, наделенный самой большой властью по сравнению с любым немецким лидером, – витийствовал Гитлер перед старыми соратниками, набившимися в зал, декорированный изображениями свастики. – Но, кроме того, я уверен в успехе. Я верю в него безусловно...

Он воскресил в памяти соратников Первую мировую войну. Когда она разразилась, Германия была плохо вооружена и тем не менее держалась четыре года. Четыре года союзники напрягали усилия, чтобы ее одолеть, а затем им пришлось обратиться к американскому жрецу-чародею, который предложил формулу для обмана немецкого народа, с тем чтобы заставить его поверить слову чести иностранного президента.

Продолжая свою речь, Гитлер сказал, что желает самой тесной дружбы с Англией.

– Согласятся на это англичане – отлично, не согласятся – тоже хорошо.

Он обратился к союзнику Великобритании и сделал любопытное замечание:

– Что касается американского производства, то его невозможно выразить даже в астрономических цифрах. В этой сфере я не хочу конкурировать с Соединенными Штатами. Но хочу заверить вас в одном: Германия располагает высочайшей в мире производительной способностью... Сегодня, во всяком случае, Германия вместе со своими союзниками достаточно сильна, чтобы противостоять любой комбинации мировых держав...

Мир прислушивался к речам Гитлера. Этот человек одолел в период между двумя летними сезонами шесть стран; теперь он угрожал высадиться на Британских островах, захватить Гибралтар и оккупировать Балканы. Однако в ноябре 1940 года Гитлер переживал примерно такое же состояние разочарованности и нерешительности, что и Черчилль. Покоритель Европы совершил путешествие через всю Францию, чтобы уговорить испанского правителя Франсиско

Франко дать согласие на штурм нацистами Гибралтара и других стратегических укреплений в Западном Средиземноморье. Под впечатлением британской стойкости и давлением Черчилля каудильо стал возражать. В течение девяти часов мучительных переговоров с Гитлером испанский правитель так и не смог преодолеть свои колебания. Позднее Гитлер признавал, что скорее позволит вырвать у себя несколько зубов, чем вновь пройдет через кошмар таких переговоров. Режим Виши тоже вызывал раздражение. На обратном пути в Берлин Гитлер встретился с маршалом Анри Петеном. Старик был учтив и предупредителен, однако дал лишь туманные обещания относительно сотрудничества с «новым порядком».

Но самые большие неприятности доставил Муссолини, старый соратник Гитлера по оружию. Дуче – один из немногих деятелей, которыми Гитлер восхищался, при этом не был склонен посвящать младшего партнера во все свои планы. Муссолини же, раздосадованный гитлеровской политикой «свершившихся фактов», приказал своим войскам 28 октября вторгнуться в Грецию, уведомив об этом Берлин весьма кратко и в самый последний момент. Фюрер узнал о готовящемся вторжении по пути в Германию, после переговоров с Франко и Петеном. Он был вне себя. Осень считалась неподходящим временем для боевых действий в горах. Нападение на Грецию угрожало нарушить хрупкий баланс сил на Балканах. Предполагалось, что Муссолини накопит силы для основной операции – наступления против англичан в Северной Африке. Неожиданно Гитлер приказал повернуть свой поезд на юг и двигаться во Флоренцию, где во время встречи с дуче собирался предостеречь его от опрометчивых решений. Но было уже поздно: Муссолини приветствовал фюрера на платформе словами, произнесенными в манере Геббельса:

– Победоносные итальянские войска пересекли сегодня на рассвете греко-албанскую границу.

Хуже всего, что наступательная операция итальянцев провалилась. Греческие солдаты, поджидавшие итальянцев в горах, выдворили их на территорию Албании. Англичане воспользовались ситуацией для того, чтобы захватить Крит и Лемнос, значительно укрепив свое положение в Восточном Средиземноморье. Теперь Королевские ВВС угрожали нефтяным районам Румынии. Гитлер оказался поставлен перед необходимостью направить свои дивизии на юг. Кем в свете этого считать Муссолини – союзником или помехой?

И все же это мелочи по сравнению с главной проблемой, которая занимала Гитлера в мрачные ноябрьские дни 1940 года. Ему предстояло принять важное стратегическое решение: пойти на риск или поступиться риском войны на два фронта.

Ничто не свидетельствовало в пользу военного гения Гитлера более убедительно, чем его способность изолировать противника в дипломатических и военных отношениях, а затем уничтожить. Так он поступил с Австрией, Чехословакией, Польшей и Францией. Теперь на очереди Англия. Иди все по намеченному плану, германские войска высадились бы на Британских островах осенью 1940 года, в то время, когда Россия стояла в стороне, встревоженная, но бездействующая, а Соединенные Штаты выглядели озабоченными, но бессильными. Англия, однако, отказывается от сотрудничества. Лишь предстоящей весной можно рассчитывать осуществить высадку на островах главных сил, но к этому времени сопротивление англичан усилится, – немецкие адмиралы все еще сомневались в успехе операции. Кроме тактических рисков операции по форсированию пролива, тревожило возможное поведение Рузвельта. Что предпримет этот несносный президент? В разгар предвыборной кампании он послал англичанам эсминцы и снаряжение; можно ли ожидать, что его флот будет бездействовать, пока германские войска станут форсировать пролив?

Наконец, Россия. Гитлер давно планировал сокрушить ненавистный большевистско-славяно-еврейский режим на Востоке. Вероятно, это навязчивая идея его плана по достижению мирового господства. Но когда? Пакт о ненападении 1939 года всего лишь средство выиграть время и политический рычаг. Сталин не только тщательно выбрал свою долю трофеев, пока

Гитлер был занят войной с французами и англичанами на Западе, но и хладнокровно оккупировал румынские земли в Северной Буковине и Бессарабии, а также захватил Эстонию, Латвию и Литву. Поведение русских становилось невыносимым. Оно ставило Гитлера перед жесткой дилеммой: следует ли нанести удар на Востоке, перед тем как разделаться с Великобританией? способна ли Германия вести войну на два фронта, когда массированная американская помощь англичанам более чем вероятна? На совещании в середине ноября главнокомандующий германских ВМС адмирал Эрих Редер, склонный, в отличие от Гитлера, более мыслить категориями войны на море, предостерег фюрера против кампании в России до разгрома англичан.

Гитлер с вожделием смотрел на Восток, но медлил. Возможна ли альтернатива этому – повторение стратегии 1939 года, но в континентальном масштабе? Пакт трех держав, подписанный в сентябре 1940 года в величественном Посольском зале Германией, Италией и Японией, имел целью главным образом поставить Рузвельта перед перспективой усиления Японии и отвлечь от Британии. Что, если склонить Москву к вступлению в пакт? Не обескуражит ли Рузвельта и не лишит ли это Черчилля последней надежды на помощь из Вашингтона и Москвы? С этим замыслом Гитлер пригласил в Берлин министра иностранных дел России.

Вячеслав Молотов прибыл туда 12 ноября. Оркестр сыграл туш в честь гостя, состоялось прохождение почетного караула; были даже вывешены русские флаги с ненавистными серпом и молотом. Но повсюду господствовала холодная атмосфера, которая, казалось, стала ледяной, когда Молотова провозили под свинцовым небом мимо молчаливых толп уличных зрителей в Тиргартен.

Глава нацистского МИДа Иоахим фон Риббентроп не стал терять времени и прямо поставил перед гостем кардинальный вопрос. Англия побита, заявил он резко, и скоро будет запрашивать мира. Черчилль, разумеется, зависит от американской помощи, но «вступление США в войну ничего не значит для Германии». Берлин не допустит больше высадки англосаксов на европейский континент. Пока Молотов слушал с бесстрастным выражением лица, Риббентроп запустил пробный шар. Британская империя должна быть расчленена. «Все смотрят на юг»: Германия – на свои бывшие колонии в Центральной Африке; Италия – на средиземноморское побережье Африки; Япония – на Юго-Восточную Азию и западную часть Тихоокеанского региона. А Россия? Не хотела бы Москва получить доступ в открытые моря через Дарданеллы? Молотов хранил молчание, прерываемое лишь просьбами уточнить сказанное. Его буквальное восприятие темы разговора бесило Риббентропа.

Столь же сдержанным и молчаливым оставался в тот же день Молотов во время встречи с Гитлером. В ходе беседы фюрер блуждал по поверхности карты мира, расчленяя сложившиеся государства. С Англией покончено. США не будут представлять угрозы еще несколько десятилетий – «не в 1945 году, ну разве что в начале 70-х или 80-х годов». Молотов терпеливо ожидал конца словоизвержений Гитлера и затем снова просил уточнений. Его вопросы были настойчивы и беспощадны. Что же означает «новый порядок»? Какая роль отводится в нем СССР? Как будут обеспечены интересы Москвы в Турции и на Балканах? «Вопросы так и сыпались на Гитлера, – вспоминал позднее его переводчик. – На моей памяти ни один дипломат не говорил с ним в подобной манере».

Гитлер едва сдерживался в присутствии этого хладнокровного большевика в старомодном пенсне, торчащем над выпуклым лбом, задававшего свои колкие вопросы. Фюрер решил отложить переговоры, поскольку возможен воздушный налет. На следующий день беседа протекала более напряженно. Собеседники толклись вокруг одних и тех же вопросов: Финляндия, Балтика, Балканы, Турция. Напрасно Гитлер пытался отвлечь внимание Молотова от Европы на юг туманными намеками о выгодах на «чисто азиатской территории к югу», видимо Индии. После полудня переговоры превратились в череду мелочных споров.

Фюрер отступил: снова отправил Молотова к Риббентропу, которому в соответствии с нормами дипломатической вежливости предстояло принять участие в банкете в посольстве

России. Уинстон Черчилль за неимением приглашения на торжество послал свои приветствия в форме бомбардировок Королевских ВВС. Риббентроп как раз собирался ответить на тост Молотова, когда завывли сирены воздушной тревоги и гости спешно удалились из банкетного зала. Нацистский министр сопровождал Молотова в бомбоубежище, где предпринял еще одну попытку убедить его воспользоваться последним шансом в дележе мира нацистами. Снова и снова под разрывы бомб наверху Риббентроп уверял русского дипломата, что Британия сокрушена.

– Если это так, – отвечал Молотов, – то почему мы сидим в этом бомбоубежище и чьи бомбы падают сверху?

Разочарованный фюрер все еще не принял окончательного решения о нападении на Россию. Он распорядился, чтобы планирование операций и подготовка к войне на Востоке продолжались, но на время держал открытыми другие альтернативы пугающей перспективе второго фронта.

В декабре он выступил с пропагандистской речью, имея цель настроить трудящихся мира против плутократов Великобритании и Америки. Стоя на подиуме завода «Рейнметалл-Борсиг» в Берлине, со сверкающим сталью артиллерийским орудием в качестве фона, Гитлер провозгласил: ставки теперь выше, чем судьба одной нации.

– Скорее идет война двух противоположных миров.

Англия, говорил он, завладела 16 миллионами квадратных миль земной поверхности.

– Всю свою жизнь я был лишенцем. Дома я был лишенцем. – Он пришел в возбуждение, обличая капиталистов мира, контролируемые ими прессу и политические партии. – Если все в этом мире указывает на то, что золото противостоит труду, капитализм – простым людям, а реакция – прогрессу человечества, тогда труд, простые люди и прогресс победят. Их врагам не поможет даже поддержка еврейской расы...

Кем я был до большой войны? Безвестным, безымянным индивидом. Кем я стал в ходе войны? Совершенно неприметным, обыкновенным солдатом. Я не несу ответственность за большую войну. Кто такие сегодняшние правители Британии? Это те самые люди, которые жаждали большой войны, это тот самый Черчилль – самый злостный агитатор среди них во время большой войны...

Гитлер говорил уже более часа. Он углублялся в историю и перемещался по карте мира, не упоминая ни единым словом ни Америки, ни России. Он обрисовал «новый порядок», каким себе его представлял: новое устройство мира, восстановление из руин, господство труда над капитализмом. Великий германский рейх, о котором мечтали великие поэты...

– Скажи мне кто-нибудь: «Все это просто фантазии, всего лишь видения, – я отвечу, что когда в девятнадцатом году начал свой путь безвестным, безымянным солдатом, то строил свои надежды на будущее на самой буйной игре воображения. И все же эти надежды сбылись...

ТОКИО

Официальная Япония избрала позицию притворного равнодушия к переизбранию Рузвельта. Проявлять враждебность позволялось только на неофициальном уровне. Теперь президент должен переориентировать свою политику на Дальнем Востоке, заявил представитель японского МИДа. Курс США в этом регионе он назвал «нереалистичным». Одна газета, припомнив высказывание Рузвельта: «Я ненавижу войну», выразила мнение: сейчас президент ведет свою страну прямо к войне. Единственный выход – преодоление американских предубеждений против японского «нового порядка». Вскоре внимание к этому событию угасло. Предстояло более приятное событие – двухдневное празднование основания двадцать шесть столетий назад Японской империи.

Церемония связала воедино древнюю и современную Японию. В гробовом молчании бескрайнее море людей ожидало императора у подножия серых стен древнего военного лагеря, превращенного в императорский дворец. Хризантемы выстроились боевыми шеренгами вокруг ярких цветочных узоров. Точно в назначенный час все увидели медленно двигавшийся среди деревьев императорский штандарт, за которым следовал малиновый «роллс-ройс». Процессия перебралась через двойной мост, перекрывавший ров вокруг дворца. Оркестры играли национальный гимн. Император и императрица вышли из автомобиля и сели за стол, покрытый парчовой скатертью.

С двух сторон за Хирохито следовали сановные японцы. Братья императора и другие представители знати, старые государственные деятели и воины, имеющие доступ к трону, члены императорского кабинета министров стояли в сюртуках, строгие и торжественные. Министр иностранных дел Ёсукэ Мацуока, блестящий, деятельный, словоохотливый, непредсказуемый выпускник Орегонского университета; он испытал там подлинное и воображаемое унижение, подрабатывая помощником официанта, чтобы завершить учебу в этом вузе. Военный министр Хидэки Тодзио (соученики в школе называли его Воинственный Тойо), ставший резким, сообразительным генералом, – он приобрел имя во время командования императорскими войсками в Маньчжурии. Морской министр Дзэнго Йосида, обладавший большой работоспособностью; премьер-министр принц Фумимаро Коноэ, аристократ, возвышался над коллегами-военными ростом, находчивостью, гибкостью, но отличался также нерешительностью и ипохондрией, отсутствием средств и воли для обуздания тех же коллег.

Император поднялся; принц Коноэ прокричал «Банзай!». Море из 50 тысяч человек, волновавшееся мелкой рябью, и миллионы крестьян по всей Японии, собравшиеся перед своими старейшинами, поклонились императору. Все, кто был перед дворцом, смотрели во все глаза на Хирохито – человека, бога, верховного жреца, символа и императора. Внешне он совсем не походил на императора, но играл отведенную ему роль терпеливого церемониймейстера, заботливого семьянина, титулованного автократа, способного влиять взглядами и жестами, но лишённого контроля над важными решениями. На следующий день, во время аналогичной церемонии на официальном уровне, от имени дипломатического корпуса выступил старый друг и приятель Рузвельта по Гротону посол Джозеф К. Грю. Он предстал перед императором, поклонился, достал очки и рукописный текст, прочитал его, поклонился, спрятал очки и текст, снова поклонился, повернулся и торжественно прошел на свое место. Это дружелюбное обращение призывало к миру, взаимному сотрудничеству и обогащению мировой цивилизации японской культурой. Послу понравилось, что Хирохито энергично кивал одобряя. Было ли это знаком предостережения военным? Грю не мог ответить на этот вопрос.

Ныне, на восьмой год пребывания в Токио, он информировал Вашингтон о серии тревожных событий: убийствах армейскими фанатиками ключевых правительственных министров; закреплении японцев в Маньчжурии; упрочении связки Токио – Берлин в Антикоминтерновском пакте 1936 года; вторжении японцев в Китай, сопровождавшемся захватом Шанхая и разграблением Нанкина; усилившемся давлением на правительство Чан Кайши; неафишировавшихся ожесточенных столкновениях японских и русских войск в Азии. Очевидно, что влияние военных на политику Японии усиливалось, но в периоды временных колебаний получали шанс действовать умеренные политики, особенно после поступления шокирующих, по крайней мере для подлинных антикоммунистов среди военных, известий о заключении русско-германского пакта 1939 года. Сдержанный, корректный, выложенный, невосприимчивый к внешним влияниям, но внутренне склонный к мистификациям и ранимый Грю рекомендовал Вашингтону умеренный подход к Японии в надежде, что от военных отвернется фортуна.

То, что Адольф Гитлер молниеносно овладел странами Бенилюкса, и падение Франции, угроза вторжения на Британские острова производили громоподобный эффект в Токио. Казалось, владения Голландии, Франции и Великобритании в Азии стали легкой добычей. В нетер-

пении военные лидеры вынудили умеренное правительство уйти в июле 1940 года в отставку и привели к власти новый кабинет во главе с Коноэ, призванный осуществлять жесткую программу. Чтобы решить «китайский вопрос», необходимо перерезать пути снабжения националистического Китая. Это требовало его флангового обхода через Индокитай. Такой обход вызвал бы в свою очередь сопротивление Лондона и Вашингтона, но в то же время стимулировал бы поддержку союзных японцам государств на Западе. Гитлер и Муссолини, заинтересованные в отвлечении американских усилий от Европы к Тихоокеанскому региону, будут приветствовать усиление взаимодействия в рамках коалиции «Оси».

В конце августа Токио вырвал у режима Виши согласие на признание насущных военных интересов Японии в Индокитае. Попад в стесненное положение, французы обратились за помощью к Рузвельту, но его администрация, втянувшаяся в предвыборную борьбу, отделилась моральными сентенциями. Тем не менее позиция Вашингтона стала жестче, равно как и его представителя в Токио. В телеграмме, получившей известность как послание «Зеленого света», Грю констатировал, что «Япония сегодня является одной из хищнических держав. Она пренебрегла всеми моральными и этическими нормами и стала беззастенчивой и откровенной прагматичной силой, ищущей случая воспользоваться слабостью других для собственной выгоды. Ее политика экспансии на юг явно угрожает интересам США в Тихом океане». Японию больше не следует сдерживать словами, но американской мощью.

Оценки Грю сыграли в пользу тех советников президента, которые рекомендовали использовать против Японии доступные ему меры и средства. В конце сентября администрация решила ввести эмбарго на поставки Японии всех видов железного и стального лома, но не нефти. Она предоставила также Китаю новый кредит.

Теперь Токио оказался в сложном положении. Несколько недель Мацуока вел переговоры с немцами о Пакте трех держав. Самым актуальным в повестке дня переговоров оказался вопрос, насколько далеко готов пойти Берлин в признании сферы интересов Японии. В перечень территорий, подлежащих подчинению японскому «новому порядку», вошли Индокитай, Таиланд, Британская Малайя, Британский Борнео, Голландская Ост-Индия, Бирма, Австралия, Новая Зеландия, Индия «и прочее». Япония, Маньчжурия и Китай образовывали ядро пространства «нового порядка». К удивлению и восторгу Токио, представитель Гитлера одобрил эти претензии, за исключением, вероятно, Индии, зарезервированной, возможно, для России. Немцы, однако, дали ясно понять, что Япония должна помочь им отвлечь внимание США от Европейского театра войны.

Поддержав трехсторонний пакт, Мацуока прямо заявил на тайном совете:

– В заключении этого договора Германия и Япония преследуют общую цель. Германия хочет предотвратить вступление в войну Америки, а Япония – избежать конфликта с США.

Но умудренные опытом государственные деятели обратили внимание на 3-ю статью пакта: «Германия, Италия и Япония согласны... помогать друг другу всеми политическими, экономическими и военными средствами, если одна из сторон договора подвергнется нападению со стороны державы, не вовлеченной в настоящее время в европейскую войну или японо-китайский конфликт». Что лучше – предотвратить войну путем умиротворения Рузвельта или путем демонстрации силы трехсторонней коалиции? Однако уже поздно раздумывать над этим вопросом – в сентябре японцы подписали трехсторонний пакт.

Официально США отреагировали на заключение трехстороннего пакта спокойно, но подспудно продолжались интенсивные политические дебаты. Пакт укрепил позицию «ястребов», требовавших более жесткой политики в отношении Японии. Администрация раскололась; некоторые ее представители опасались, что жесткие меры, особенно нефтяное эмбарго, спровоцируют войну с Японией, а страна к ней еще не готова. Президенту предложили несколько альтернатив, включая переброску военно-морских сил на запад, вплоть до Сингапура, или введение патрулирования боевых кораблей. Но он решил выжидать.

«Сейчас мы прекратили поставки металлолома, – писала ему Элеонора Рузвельт через неделю после выборов, – как насчет нефти?»

«Реальный ответ, который не нужно предавать огласке, – писал президент, – состоит в том, что, если мы запретим поставки нефти Японии, она увеличит свои закупки мексиканской нефти и в дальнейшем может в силу необходимости высадить десант в Голландской Ост-Индии». Это, добавлял Рузвельт, может спровоцировать распространение войны на Дальнем Востоке.

Токио в свою очередь проявлял спокойствие. Мацуока настаивал, что пакт не направлен против США. Он даже предложил Вашингтону присоединиться к пакту и помочь странам «Оси» превратить мир в одну большую семью. Похоже на браваду, – это и побудило Корделла Халла заявить, что Мацуока столь опасно изворотлив, как корзина рыболовных крючков.

В середине декабря Грю направил Рузвельту конфиденциальное послание с оценкой ситуации в Тихоокеанском регионе. За восемь лет дипломатической службы, сообщал Грю президенту, он убедился, что дипломатия потерпела поражение от «тенденций и сил, не поддающихся ее контролю, и плоды нашей работы здесь сметены, будто под действием тайфуна...». Он прямо ставил вопрос перед президентом:

«Рано или поздно, но, пока мы не готовы... убраться со всеми пожитками из всей Великой Азии, включая южные моря (что богопротивно), нас неминуемо ожидает со временем прямое столкновение с Японией.

Ужесточение политики с нашей стороны таит неизбежные риски, в частности риски внезапных, не поддающихся учету ударов, таких, например, как потопление «Панайи». Это может возбудить воинственность американцев, но, по-моему, эти риски менее значимы, чем гораздо более крупные опасности в будущем, с которыми нам придется столкнуться в случае продолжения политики непротivления...

Важно постоянно помнить, что, если мы прибегаем к мерам «на грани войны» без реального намерения довести их в случае необходимости до логического завершения, этот недостаток решимости немедленно заметят японцы, которые станут действовать без всяких сдерживающих мотивов и с еще большей энергией. Наши предупредительные меры окажутся эффективны и действенны в смысле предотвращения войны лишь в том случае, если японцы уверятся в нашей готовности воевать, когда нас вынудят к этому. В общем, это старая история сэра Эдварда Грея в 1914 году...

Вы занимаетесь нашими внешнеполитическими делами с должным профессионализмом, – писал в заключение посол, – и я глубоко удовлетворен тем, что страна не будет лишена вашего ясного видения, решимости и смелости в управлении государственным кораблем».

Эти комплименты столь же приятны, сколько получение в дар розы с шипами. Лоцману Белого дома, взобравшемуся на капитанский мостик при помощи обещаний уберечь американцев от войны, теперь приходилось столкнуться с реальной политикой.

ВАШИНГТОН

Через два дня после выборов поезд, в котором находился Франклин Рузвельт, медленно проследовал на юг вдоль реки Гудзон, проехал, маневрируя, Нью-Йорк и затем всю долгую ночь катил в направлении Вашингтона. Утром на вокзале Юнион президента приветствовали Элеонора Рузвельт, вновь избранный вице-президент Г. Уоллис и несколько тысяч вашингтонцев. Двести тысяч горожан выстроились на Пенсильвания-авеню. Возвратившийся герой выборов батальей, подобно завоевателям прошлого, торжественно помахивал знакомой всем мягкой фетровой шляпой, в то время как его лимузин черепашим ходом продвигался к Белому дому. Тысячи людей, следовавших за автомобилем президента, хлынули через открытые ворота ком-

паунда Белого дома, заполнив лужайку. Они скандировали «Хотим Рузвельта!» до тех пор, пока президент не появился вместе с первой леди в северном портике.

И вот в старом особняке возобновился распорядок дня, сформировавшийся за восемь прежних лет президентства. В 8.30 президент, с накидкой на плечах, завтракал в кровати, бегло просматривая депеши и газеты – обычно «Нью-Йорк таймс» и «Геральд трибюн» (специально доставляемые из Нью-Йорка), вашингтонские газеты, «Балтимор сан» и «Чикаго трибюн». Глаза его со скоростью радара пробегали по колонкам, относящимся к президентской и политической жизни. В это время могла зайти с неотложной просьбой Элеонора, а затем президентские помощники – Гопкинс, Уотсон, Эрли, Макинтайр, – старый советник Белого дома Уильям Д. Хассет и для беглого осмотра врач президента Росс Т. Макинтайр. Около 10.00 президентский камердинер Артур Преттимен доставлял Рузвельта в лифт в небольшом инвалидном кресле без поручней, спускал на нулевой этаж и катил вдоль колоннады в кабинет, на этот раз в сопровождении сотрудников службы безопасности с корзинами президентских документов в руках. На пути могла встретиться Фала и быть обласканной президентом. После возвращения хозяина Белого дома в свой кабинет, около 17.30, наступал коктейль-час – можно расслабиться и поболтать. В это время президент старательно отмерял себе порцию ликера, одновременно ведя разговор с собеседниками. Обычно он обедал с ближайшими членами семьи и сотрудниками, вечером работал над разного рода текстами речей, пролистывал сводки сообщений, предавался воспоминаниям о прошлом с секретаршами или просмотру своих коллекций марок и этикеток ВМФ.

Пятница обычно была днем встречи президента с членами своей администрации. В пятницу после выборов президент впервые встретился с ними после начала предвыборной кампании. Администрация ноября 1940 года состояла из зрелых, опытных политиков, не согласных друг с другом. Членами администрации с наибольшим политическим весом, определяемым либо по уровню власти, либо по свободе доступа к президенту и влиянию на него, были (вместе с Моргантау) государственный секретарь Корделл Халл, обходительный, уступчивый и терпеливый до тех пор, пока не взрывался под влиянием извне его темперамент погонщика мула и он не начинал проклинать всех своих врагов, внешних и внутренних; министр обороны Генри Л. Стимсон, который не принадлежал к числу доверенных лиц президента, но пользовался столь безупречной в моральном отношении репутацией среди американских политиков и отличался такими твердыми и ясными суждениями, что оказывал постоянное, незаметное для окружающих влияние на своего шефа; министр труда Фрэнсис Перкинс, первая в американской истории женщина – член администрации, абсолютно лояльная к президенту и Элеоноре Рузвельт, способная ласковыми речами примирять враждующих политиков и профсоюзных лидеров и чья официальная мина не могла скрыть чувствительную женскую душу, и довольно странный министр внутренних дел Гаролд Л. Икес, злой демон администрации, если считать Моргантау ее ангелом-хранителем, неустанный защитник действий сотрудников своего бюрократического ведомства, колючий и мелочный, но безупречно здравый в решении важных проблем, постоянный партнер шефа в игре в покер и сварливый компаньон президента во время рыбалок.

Администрация представляла собой клубок соперничества и разногласий. Стимсон и большинство других ее членов возмущались медлительностью и осторожностью Халла. В свою очередь Халл подозревал, порой не без оснований, что некоторые из его коллег хотели бы присвоить часть функций Госдепартамента. Моргантау, добивавшийся оказания помощи Великобритании, бранился с руководителями как Государственного департамента, так и военного ведомства. Икес вступал в конфликты со всеми членами администрации и преследовал свою самую желанную цель после сокрушения Гитлера – выделить службу охраны леса из министерства сельского хозяйства.

Однако члены администрации едины в подходе к главной проблеме 1940 года. Халл предостерегал латиноамериканских дипломатов в отношении бешеного стремления «некто-

рых правителей» к завоеваниям без ограничений. Стимсон постепенно убеждался, что война не только неизбежна, но и необходима, чтобы обеспечить возможность действовать решительно. Моргентау опасался и ненавидел нацистов, взывал к помощи англичанам, насколько позволяют ресурсы США. Икес несколько лет публично обличал Гитлера и несколько месяцев добивался введения эмбарго в отношении Японии. Другие тоже были убежденными сторонниками военного вмешательства.

Осенью 1940 года стала важна каждая крупница таланта и воинственности членов администрации. Очевидно, что Британия столкнулась с кризисом судоходства, снабжения и финансов. Ходили слухи о принятии во враждебных столицах кардинальных стратегических решений. Сторонники военного вмешательства требовали действий. Президент располагал мандатом на всевозможную помощь Англии, за исключением военной, – почему бы ее не предоставить? Но казалось, ничто не двигается с места. Когда лорд Лотиан, британский посол, вернулся в конце ноября из Лондона и сообщил, что англичане приближаются к исчерпанию своих финансовых ресурсов, Рузвельт порекомендовал Лондону воспользоваться своими инвестициями в Новом Свете, прежде чем просить денег.

Пока официальный Вашингтон ожидал приказов относительно военного вмешательства, президент совершил четырехдневную прогулку по реке Потомак, чтобы выспаться. Затем он опроверг ряд прогнозов прессы по поводу состава администрации. Рузвельт оставил его без изменений. Попытался также безуспешно уговорить престарелого генерала Джона И. Першинга занять должность посла при режиме Виши во Франции; попросил заведующего библиотекой конгресса Арчибалда Маклейша выяснить, упоминаются ли острова Черэбл, которые он однажды пообещал репортерам посетить, в поэзии или в прозе (не могли упоминаться), и выступил за проведение ежегодных Недель живописи под спонсорством Белого дома. Президент ясно дал понять, что не будет просить конгресс аннулировать или видоизменить Закон о нейтралитете, который запрещает предоставление кредитов воюющим странам, или Закон Джонсона, запрещающий предоставление кредитов странам, не выплатившим долги за период Первой мировой войны.

На пресс-конференции президент осаживал репортеров, стремившихся выведать информацию о предстоящих после выборов крупных решениях, касающихся участия в войне. Все делалось в очень добродушной манере. Когда журналист спросил, включает ли его запрет на строительство автострад в рамках мероприятий по экономии средств «парковочные плечи» для военных целей, президент не мог скрыть удивления:

– «Парковочные плечи?»

– Да, расширение обочин на случай парковки гражданского транспорта с целью освободить автострады для военных автоколонн.

– Вы, случаем, не имели в виду шейную окантовку?

Журналисты расхохотались, но они выяснили ценную деталь. Как оказалось, администрация отдалась на волю событий. Затем 3 декабря президент взобрался на борт крейсера «Тускалуса» для десятидневного круиза по Карибскому морю. Кроме своих личных секретарей, он прихватил с собой только Гарри Гопкинса.

Пока Рузвельт рыбачил, смотрел кинофильмы, развлекал представителей британской колониальной администрации, включая герцога и герцогиню Виндзорских, осматривал базы ВМС, в Вашингтоне представители администрации бились над решением сложнейшей проблемы – как помочь Англии. Чиновники, ведавшие производством, соглашались, что американская промышленность способна обеспечить необходимой продукцией обе страны, а армейское руководство было даже радо покрыть как американские, так и британские нужды в вооружениях, поскольку это потребовало бы резкого увеличения военного производства. Но как насчет средств? Британские представители в Вашингтоне признавались, что у них нет средств для финансирования столь обширной военной программы. Моргентау запросил руко-

водителя Финансовой корпорации восстановления (ФКВ) Джесси Джоунса, может ли он на законном основании использовать свои фонды для строительства военных заводов. Для проектов военного строительства – да, ответил Джоунс, но не для англичан. Стимсон доказывал, что администрация не должна больше медлить и ей следует вынести этот вопрос на рассмотрение конгресса. Все согласились, но это согласие диктовалось отчаянным положением. Можно представить, какая драма произойдет на Капитолийском холме, когда конгрессмены вникнут в вопрос во всей его сложности. Да и пойдет ли президент на риск столь внушительного провала в конгрессе?

Некоторые сообщения об этих тревогах доставлялись самолетами морской авиации президенту, находившемуся на расстоянии тысячи миль южнее. Затем, когда «Тускалуса» бросил якорь под палящим солнцем у побережья Антигуа, поступило то отчаянное письмо от Черчилля.

«Некоторое время я не представлял, что он думает по этому поводу, если вообще что-нибудь думает, – рассказывал Гопкинс позднее. – Но затем мне показалось, что он „заправляется горячим“, как всегда поступал, когда на первый взгляд отдыхал или беззаботно проводил время. Поэтому я не задавал ему никаких вопросов. Вечером он неожиданно изложил программу в целом. Казалось, он не имел четкого представления о ее осуществлении на законном основании, но в душе не сомневался, что найдет подходящий способ для этого».

«Программа в целом» представляла собой ленд-лиз – простое уведомление, что Соединенные Штаты отправят Англии бесплатно снаряжение, стоимость которого должна быть возмещена не долларами, но каким-либо иным способом после окончания войны.

Это не импровизация или фокус с вытаскиванием кролика из президентской шляпы. Письмо Черчилля подействовало как катализатор. Некоторое время назад в Вашингтоне побывала делегация британских специалистов, чтобы заключить контракты на постройку боевых кораблей в Соединенных Штатах. Несколько недель, а возможно, и месяцев президент обдумывал идею строительства кораблей и сдачи их в аренду англичанам на длительное пользование. Почему бы не распространить эту схему на пушки и другое военное снаряжение? Однако это внешнее расширение диапазона поставок представляло собой значительное усложнение и изменение формулы. Не было оснований ожидать, что Англия возвратит после войны тысячи самолетов и танков, но, даже если и так, США вряд ли найдут их пригодными для использования. Чиновники из Комиссии по морскому флоту возражали даже против сдачи в аренду кораблей на том основании, что США не будут нуждаться после войны в таком большом флоте и окажутся обременены огромным количеством бесполезных судов. Если это верно в отношении судов, то вдвойне – в отношении танков и артиллерии. Но Рузвельт повел дело так ловко и изобретательно, что долгое время его критики выдвигали разные мелочные возражения и ни одного существенного.

Со своей формулой наготове, отдохнувший и деятельный после поездки, президент вернулся 16 декабря в Вашингтон и провел серию совещаний со своими обеспокоенными советниками. Очередные две недели ознаменовали один из самых важных периодов президентства Рузвельта. Лисьи повадки отброшены – теперь он выступал в роли льва.

В качестве одного из сюрпризов, на которые президент был падок, он изложил свой проект на пресс-конференции. И хотя с самого начала предупредил, что не ожидается «каких-либо новостей», репортеры почувствовали возможность сенсации по его внешнему виду – по вздернутому вверх мундштуку, бегающему взгляду, надутым щекам и шутливому тону. Начало не предвещало ничего необычного. Рузвельт зачитал текст выступления, содержащего «пустячные», как он выразился, вещи о финансах. Суть их состояла в том, что «на протяжении истории ни одна крупная война не выигрывалась и не проигрывалась из-за недостатка денег». Он не без юмора вспомнил встречу в начале Первой мировой войны в «Бар Харбор экспресс» своих приятелей из банковских и брокерских кругов, которые утверждали, что война не про-

длиться и шести месяцев, поскольку банкиры ее остановят. Некоторые «ограниченные люди» ведут теперь разговоры об аннулировании Закона о нейтралитете и Закона Джонсона о кредитах Англии.

Это «банальные вещи». Другие говорят о поставках оружия, самолетов и артиллерийских орудий англичанам в качестве дара. Это тоже «банально». Самая лучшая идея, если рассуждать о собственной выгоде с позиции американца, выражающейся в принципе «ничего даром», – создавать производственные мощности и затем «либо сдавать в аренду, либо продавать продукцию под заклад» представителям другой стороны.

– Что я хочу сделать сейчас – это уничтожить суеверное отношение к доллару. Для многих здесь в этих словах содержится кое-что абсолютно новое. Я хочу избавиться от глупого, дурацкого суеверия.

Ладно, позвольте мне привести пример. Положим, дом моего соседа загорелся, а у меня есть садовый шланг длиной четыреста или пятьсот футов. Если сосед возьмет мой садовый шланг и присоединит его к своей водопроводной трубе, я смогу помочь ему потушить пожар. Но что мне надо делать? Я не говорю соседу, перед тем как он возьмет шланг, что эта штука стоила мне пятнадцать долларов и ты должен заплатить мне за нее пятнадцать долларов. В чем суть нашей сделки? Я не хочу пятнадцать долларов, но хочу, чтобы мне возвратили шланг, когда пожар будет потушен, так ведь? Если он потушит пожар без всякого ущерба для шланга, то после тушения возвращает мне его с выражением благодарности. Если же сосед испортит шланг, пусть купит мне новый.

Журналисты наседали на президента:

– Означает ли это конвоирование судов?

– Нет.

– Нужно ли изменить Закон о нейтралитете?

– Разумеется.

– Нужно ли одобрение конгресса?

– Да.

– Означают ли такие меры, что усилится опасность быть вовлеченными в войну по сравнению с существующей ситуацией?

– Нет, конечно нет.

Никто не спрашивал президента, какая будет выгода от возмещения убытков «каким-то образом» после войны и, следовательно, почему его проект не предусматривает передачи военного снаряжения в качестве дара.

Теперь Берлин не мог оставаться спокойным. Опасаясь, что Рузвельт передаст англичанам немецкие суда в американских портах общим водоизмещением 70 тысяч тонн, а боевыми кораблями США начнут эскортироваться грузовые суда, представитель Вильгельмштрассе заявил, что проведение Рузвельтом политики «булавочных уколов, вызовов, оскорблений и моральной агрессии» неприемлемо.

Но пик ажиотажа вокруг инициативы Рузвельта пришелся на более поздний период. Вечером 29 декабря его прикатили в инвалидном кресле в зал дипломатических приемов и оставили перед гладким столом, заставленным микрофонами с логотипами информационных корпораций – Эн-би-си, Си-би-эс, Эм-би-си. В маленьком, душном зале вокруг него теснились небольшие группы людей: Корделл Халл и другие члены администрации, Сара Рузвельт, Кларк Гейбл с женой, Кэрол Ломбард. Президент, в пенсне и с галстуком-бабочкой, выглядел серьезным, но раскованным.

– Это не разговор у камелька о войне, – начал он ровным, звучным голосом. – Это разговор о национальной безопасности. Потому что основная цель вашего президента состоит в том, чтобы уберечь сейчас вас, а позднее – ваших детей и еще позднее – ваших внуков от войны до

последней капли крови за сохранение независимости Америки и всего того, что заключает в себе независимость для вас, меня и наших близких...

Никогда прежде со времени событий, связанных с Джеймстауном и Плимут-Роком, американская цивилизация не подвергалась такой опасности, как сейчас...

Нацистские хозяева Германии ясно дали понять, что намерены господствовать над жизнью и мыслями населения не только собственной страны, но поработить всю Европу и затем использовать ресурсы Европы для установления своего господства над остальным миром.

Рузвельт процитировал заявление Гитлера трехнедельной давности: «Существует два мира, противостоящих друг другу».

– Другими словами, страны «Оси» не только допускают, но провозглашают, что не может быть какого-либо примирения между их и нашей философией правления.

Затем президент проследил хронологию нацистской агрессии и попытки нацистов оправдать ее «различными лицемерными ухищрениями». Он бросил упрек американцам, занимающим высокие посты, что они «в большинстве случаев бессознательно» помогают иностранным агентам.

– Опыт последних двух лет убедительно показал, что ни одна страна не способна умиротворить нацистов. Ни один человек не способен превратить тигра в котенка, глядя его по шерсти... Американские миротворцы... уверяют вас, что страны «Оси» все равно победят; что можно избежать кровопролития; что Соединенные Штаты могут использовать свое влияние и продиктовать мир, а также извлечь из нынешней ситуации больше пользы, чем извлекаем мы.

Они называют это «миром путем переговоров». Вздор! Какой может быть мир путем переговоров, если банда преступников окружает вас и под угрозой уничтожения вынуждает платить выкуп за сохранение жизни?

Затем президент повторил свое обязательство держаться в стороне от войны.

– Я прямо говорю американскому народу, что гораздо меньше возможностей вовлечь США в войну, если мы сделаем все возможное для поддержки стран, защищающих себя от нападения держав «Оси», чем если мы смиримся с поражением жертв нападения и победой «Оси» и станем ждать, когда наступит наша очередь отражать нападение.

Чтобы быть честным с самим собой, мы должны признать, что риск содержится в любом выборе. Но я горячо убежден, что наш народ в большинстве сочтет курс, который я отстаиваю, менее рискованным и более обнадеживающим для установления мира в будущем...

Правительство не намерено посылать экспедиционные войска за пределы границ страны.

Вы можете, следовательно, считать разговоры о посылке войск в Европу преднамеренной ложью.

Политика нашей страны не направлена на участие в войне. Ее единственная цель – держать войну подальше от нашей страны и народа.

Президент обратился к нации с призывом максимально напрячься, приложить все усилия для быстрого и безупречного производства военного снаряжения.

– Мы должны сделаться крупным арсеналом демократии. Для нас эта цель имеет чрезвычайное значение, более серьезное, чем сама война...

В нашей решимости помочь Великобритании не должно быть ни малейших колебаний. Ни один диктатор или комбинация диктаторов не ослабят эту решимость угрозами истолковать ее по-своему...

Эта речь вселяла надежду и воодушевление в сердца всех противников нацизма. Лондонцы, прильнувшие к радиоприемникам, жадно слушали порой пронзительный, порой взволнованный голос, несшийся через Атлантику. В эту ночь нацисты бомбили Лондон зажигательными бомбами в ходе самого массированного из рейдов, которые испытал город. В далеком Токио Грю почувствовал, что речь знаменует поворотный пункт в войне. Он читал ее текст так часто, что выучил почти наизусть. В Белый дом устремились потоки телеграмм. Позднее

секретари сообщали, что письма и телеграммы в поддержку и с критикой президента находились в соотношении сто к одному.

Речь укрепляла людей убеждением и верой.

– Верю, что державы «Оси» не выиграют эту войну, – говорил президент. – Моя вера основывается на самой свежей и надежной информации.

Фактически он верил, что законопроект о ленд-лизе получит одобрение в конгрессе и сделает победу «Оси» невозможной.

Президент закончил свою речь страстным призывом к американцам напрячь все силы для увеличения выпуска продукции.

– Как президент Соединенных Штатов, я призываю к объединению усилий в национальном масштабе. Я призываю к этому во имя нашей страны, которую мы любим и чтим, гордимся ею и служим ей – такая нам выпала честь. Я обращаюсь к народу с абсолютной уверенностью в победе нашего общего дела.

Часть первая ВОЕННЫЕ ПРОСЧЕТЫ

Глава 1 БОРЬБА ЗА ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ

Новый, 1941 год Франклин и Элеонора Рузвельт встречали в Белом доме, в небольшой компании родственников и друзей. Такие мероприятия президент любил больше всего: обстановку, когда собеседники вспоминали прежние времена, оркестр играл старые любимые мелодии, в Белом доме царила праздничная, непринужденная атмосфера. Около полуночи оркестр стал исполнять «Старые времена». В это время президент с бокалом в руке произносил ежегодный тост:

– За Соединенные Штаты Америки!

Наступил момент, когда в памяти промелькнула череда событий уходящего года: тягостные зимние месяцы «странной войны», молниеносный рейд нацистов с целью оккупации Норвегии и стремительное победоносное наступление против Бельгии, Голландии и Франции. Вспомнились предвыборная борьба за третий срок президентства, участвовавшие воздушные бомбардировки Англии, призыв на военную службу, напористая кампания Уилки, сосредоточение близ Ла-Манша нацистского флота вторжения, сделка с эсминцами, победа на выборах, затишье, письмо от Черчилля.

Время воспоминаний быстро сменилось временем действий. На следующий день президент засел в своем кабинете, со спичрайтерами Гопкинсом, Шервудом и Розенманом, за работу по подготовке ежегодного послания конгрессу. Он изучил ворох черновых вариантов. Наконец речь как следует улеглась в сознании, и теперь оставалось ее изложить. Стенографистка Дороти Брейди ожидала с карандашом в руке. Президент в это время откинулся на спинку своего вращающегося кресла, глядя в потолок. Внезапно он качнулся вперед и, пародируя Джорджа М. Кохана, исполняющего «Скорее я прав», продекламировал:

– Дороти, запиши закон.

Возможно, в это мгновение президент вспомнил пресс-конференцию в июле прошлого года, когда один из репортеров попросил его назвать цели долговременной программы обеспечения мира. Медленно он стал перечислять их: свобода информации, религии, самовыражения, свобода от страха.

– А не является ли пятой разновидностью свобода от бедности? – спросил репортер.

– Да, я забыл об этом, – согласился Рузвельт.

В последующие шесть месяцев он собирал в своей папке, содержащей материалы для подготовки выступлений, идеи к формулировке Билля об экономических правах, почерпнутые из бесед с представителями его администрации, советниками, из газет, проповедей религиозных лидеров. Теперь он диктовал стенографистке собственное видение вопроса, делая паузы, чтобы подыскать нужные слова.

Через шесть дней президент выступил в конгрессе. Зал и галереи были заполнены законодателями, представителями администрации, дипломатами. Элеонора Рузвельт, сидевшая рядом с норвежской принцессой Мартой, следила за реакцией конгрессменов. Рузвельт выждал, когда утихнут аплодисменты. Ныне наступил беспрецедентный период времени, начал президент, «потому что никогда прежде безопасность Америки не подвергалась такой серьезной угрозе, как сегодня». Затем он сделал несколько впечатляющих заявлений.

– Во времена, подобные нашему, неразумно и даже опасно тешить себя иллюзией, будто не подготовленная к войне Америка, ни с кем не взаимодействуя, пряча руку поддержки за спину, сумеет уберечься от всемирных бед.

Ни один разумный американец пусть не ожидает от диктаторов великодушия в отношении интересов международного мира, обеспечения подлинной независимости, разоружения, свободы слова, религии и даже частного бизнеса.

Такое положение не гарантирует безопасности ни для нас, ни для наших соседей. Те, кто поступает основными свободами ради ограниченной, временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности.

Как нация, мы можем гордиться своей мягкосердечностью, но нам не следует допускать размягчения мозгов.

Мы должны относиться крайне подозрительно к тем, кто под марши духовых оркестров проповедует умиротворение «изма».

Затем прозвучал призыв президента к строительству мира, основанного на «четырех свободах». Рузвельт резко обозначил свою концепцию, провозгласив Билль об экономических правах: равенство возможностей для молодежи и всех остальных; работа для тех, кто способен трудиться; безопасность тем, кто в ней нуждается; отмена особых привилегий для немногих; гражданские свободы для всех; использование плодов научного прогресса для повышения уровня жизни широких масс.

– В ближайшем будущем, которое мы стремимся сделать более безопасным, возможен, по нашему мнению, мир, основанный на четырех основных свободах:

Первая – свобода слова и выражения мнений повсюду в мире.

Вторая – свобода каждого человека верить в Бога по-своему повсюду в мире.

Третья – свобода от бедности, что в переводе на понятный миру язык означает экономический принцип, обеспечивающий населению каждой страны приемлемый образ жизни, повсюду в мире.

Четвертая – свобода от страха, что в переводе на понятный миру язык означает всемирное сокращение вооружений до такого уровня и таким способом, когда ни одна страна не в состоянии совершить акт агрессии против соседа где-либо в мире.

Это отнюдь не перспектива отдаленного будущего. Это основа устройства мира, достижимая в наше время и при жизни нашего поколения...

Пролог речи прозвучал столь захватывающе и через столь короткий срок после впечатляющей беседы у камелька на тему «арсенал демократии», что основной повод для выступления – начало срока президентства – остался как бы в тени. С учетом того, что слушатели получили достаточно предостережений и предложений, президент посвятил свое инаугурационное обращение красноречивому, но довольно отвлеченному подтверждению своей веры в демократию. Он всегда любил проповедовать. В этом ему помогал его друг Арчибалд Маклейш. Но президент и сам настаивал на приподнятой тональности речи.

– Для народа недостаточно есть и одеваться, – произносил он своим четким, прекрасно поставленным голосом, – поскольку для него имеет значение еще состояние духа. И в этой троице главное – дух.

Чтобы увековечить демократию, говорил он, «мы укрепляем дух и веру Америки».

Слова обращения глухо доносились до дрожащей от холода толпы на площади перед Капитолием, и президенту показалось позднее, что ему удалось воодушевить аудиторию. Но в целом обращение ознаменовало триумф. Во время проезда по Пенсильвания-авеню, украшенной флагами, президент торжественно помахивал цилиндром, приветствуя толпы. Группы сторонников партии, толпившихся у Белого дома, чтобы выразить поддержку и признание президенту, создавали праздничную атмосферу. Состоялась торжественная церемония инаугурационного парада – военнослужащие трех родов войск продемонстрировали великолеп-

ную выучку в прохождении парадным строем. Молодые люди в форме Гражданского корпуса охраны природы, этого осколка «нового курса», изо всех сил пытались соблюсти порядок в своих рядах. Затем был устроен блестящий инаугурационный бал. Не обошлось, правда, без комичных эпизодов. Перед поездкой на инаугурацию Фала прыгнула прямо на президентское кресло в лимузине, но ее оттуда выдворили. Ветром сорвало помятый цилиндр с головы уходящего в отставку вице-президента Джона Н. Гарнера – обнажилась копна седых волос. Клерк Верховного суда, державший потрепанную, тяжелую Библию Рузвельтов, когда президент произносил присягу, уронил ее, затем подобрал и снова уронил.

Все перипетии этого дня отражались на лице Рузвельта. Он был серьезен на богослужении в церкви Святого Иоанна; широко улыбался, кивая и помахивая цилиндром перед толпами; сжимал челюсти, подтверждая свою верность демократии; оживлялся, наблюдая с трибуны прохождение артиллерии, бронемашин и танков. Лица тоже приобретали соответствующее выражение в зависимости от того, выстраивались ли люди вдоль Пенсильвания-авеню, карабкались на деревья и становились на ящики, чтобы улучшить обзор, или кричали: «Браво, Рузвельт!» – когда президентский лимузин проезжал мимо.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КОАЛИЦИЯ

В начале третьего срока президентства Франклин Рузвельт, казалось, достиг пика политической популярности. В 1940 году он положил на лопатки всех своих соперников в демократической партии и конкурентов в республиканской. Сумел преодолеть застарелое и потенциально опасное табу на третий срок президентства. Добился в конгрессе поддержки практически всех своих основных законопроектов в области внешней политики, которые вносил с начала войны в Европе. Рейтинги его популярности в опросах общественного мнения – задавался вопрос: «Если бы вы голосовали сегодня, то отдали бы свой голос за Рузвельта?» – поднимались до 65 процентов после 50 процентов в 1938–1939 годах и 60 процентов в 1940 году (за исключением периода предвыборной кампании, когда его рейтинг понизился).

Если президентская власть выражается как в действиях, так и в прямом контроле над правительственным аппаратом, то следует отметить, что политическое влияние Рузвельта в начале 1941 года гораздо сильнее, чем в разгар эйфории 1933 года. Один сенатор-республиканец определил президента в своем дневнике как «аса мировой политики».

В это время он достиг пика личной дееспособности. Его вытянутое, упругое лицо стало более морщинистым и дряблым, чем восемь лет назад, волосы поредели, но в день инаугурации он казался таким любознательным и активным, каким друзья редко его видели. Перед началом третьего срока президентства доктор Росс Макинтайр, осматривавший президента дважды в неделю, отмечал, что его здоровье в прекрасном состоянии. Вес близок к норме (чуть больше 85 кг); он все еще умудрялся несколько раз в неделю плавать в бассейне Белого дома; восстанавливал былую энергию и способность распределять бремя обязанностей во времени.

– В предстоящие четыре года нам нечего опасаться, – говорил адмирал Макинтайр.

Кроме того, президент возглавлял теперь новую коалицию сил, служившую политической опорой его национального и международного руководства. Коалицию образовали три из четырех партий, определявших политическую жизнь Америки с конца 30-х годов XX века.

Самая влиятельная из них – демократическая партия; Рузвельт перестраивал ее во время получения власти в 1932 году и президентского правления в 1936 году. Она опиралась на поддержку бурлящей смеси: промышленные рабочие; люди, живущие на пособия; фермеры с запада; городские политики; представители старой демократии пограничных штатов; граждане со средними и даже высокими доходами, настроенные против республиканцев. Партия Рузвельта тесно сотрудничала с другой, которая выражала интересы глубинки юга и контролировала в конгрессе политические структуры южных штатов, традиционно голосовавших за

демократов. Причем малая численность была несоразмерна политическому влиянию этой партии: она имела руководителей комитетов в обеих палатах конгресса и контролировала, таким образом, аппарат и конгресс в целом. Две демократические партии (со штаб-квартирами на северо-востоке и юго-востоке; одна либеральная, другая умеренно консервативная; одна влияла через исполнительную власть, другая – через законодательную) соперничали на внутривнутриполитической арене, но, как правило, достигали согласия по вопросам снижения тарифов, поддержки Англии и антиизоляционистской внешней политики в целом. В 1938 году Рузвельт месяц за месяцем конфликтовал с сенатором от штата Вирджиния Картером Глассом и другими консерваторами южных штатов, причем доходило до того, что он пытался лишить южных обструкционистов кресел в конгрессе. В основном его попытки завершились провалом. Но с окончанием десятилетия демократы Рузвельта объединились с южными собратьями против изоляционистов.

В начале 1941 года Рузвельт не упускал случая подмаслить старого Картера Гласса, с которым конфликтовал на исходе 30-х годов за контроль над электоратом Вирджинии. Он писал сенатору, что нацисты представляли Гласса, его, Рузвельта, и ректора Колумбийского университета Николаса Мюррея Батлера в качестве еврейских франкмасонов.

– Я могу понять это, когда речь идет о схожести вашего и моего носа, но не представляю, каким образом попал в нашу компанию этот чудак Николас Батлер.

Среди республиканцев не было единства, как и среди демократов. После восьми лет пребывания в стороне от власти партия частично оказалась в руках набобов конгресса, как сенаторы Чарлз Макнари от штата Орегон, Роберт А. Тафт от Огайо; растущего молодого консерватора Артура Х. Ванденберга от Мичигана; других сенаторов, главным образом от штатов Среднего Запада, и конгрессменов, как Джозеф У. Мартин от Массачусетса и Джон Табер от Нью-Йорка в палате представителей. Невосприимчивое к новаторству, скупое в расходовании бюджетных средств, склонное к изоляционизму во внешней политике, республиканское руководство в конгрессе объединялось со своими идеологическими противниками в демократической партии южных штатов для противодействия в период второго срока президентства Рузвельта его «новому курсу». Для президента символом южных демократов, на самом деле правого крыла партии, был конгрессмен Гамильтон Фиш, приятель по Гарварду, по политической деятельности в областях по среднему течению Гудзона, бывшая футбольная звезда. Рузвельт запретил ему появляться в Белом доме, поскольку конгрессмен, как поведал президент друзьям позднее, несколько лет назад подвергал клеветническим нападкам мать хозяина Белого дома.

Конгрессменам-республиканцам противостояли представители президентской республиканской партии, которая выступала за более либеральную и экономическую, и социальную политику, была более ориентирована на развитие внешних связей, имела электоральную базу в городах северо-востока и испытывала ностальгию по своему великому прошлому. Эта партия, руководимая в прошлом плеядой ньюйоркцев, включая Теодора Рузвельта, Элиху Рут, Чарлза Эванса Хьюза, в 30-х годах осталась без руководства и впала в дезорганизацию. Затем, в 1940 году, неожиданно нашла недюжинного лидера в лице Уэнделла Уилки от штатов Индиана и Нью-Йорк. Четыре месяца республиканцы Тафта – Мартина делали вид, что у них нет разногласий с президентской партией, в отчаянной попытке свалить «кандидата в президенты на третий срок». После поражения Уилки предвыборная коалиция стала распадаться.

Плачевное положение президентской партии республиканцев было вызвано отчасти стараниями Рузвельта, который предпочитал не конфликтовать с ней, но внедрить в нее своих сторонников. Трудно сказать, в какой именно момент он решил завоевать поддержку части руководства будущей президентской партии. Возможно, он рассчитывал на немедленные выгоды от этого предприятия и только позднее разглядел его стратегические преимущества, поскольку всегда с легкостью менял свои роли партийного лидера и главы государства, опиравшегося

на две партии. Когда в сентябре 1939 года в Европе разразилась война, он добивался политического прорыва тем, что предложил войти в администрацию уже состоявшим в ней в 1936 году Алфу Лэндону и Фрэнку Ноксу. Лэндон отклонил предложение из опасений, что станет инструментом борьбы Рузвельта за третий срок президентства. Рузвельт не возобновлял попыток решить этот вопрос до весны 1940 года, когда Феликс Франкфуртер и другие предложили ввести в состав администрации Стимсона. Убедившись, что Стимсон в свои 72 года еще весьма дееспособен, президент позвонил ему в июне 1940 года, сразу после того, как тот в выступлении по радио высказался за денонсацию Закона о нейтралитете, всеобщую воинскую повинность и усиление помощи Англии и Франции, даже если для этого потребуется конвоировать транспортные суда боевыми кораблями.

В Стимсоне Рузвельт нашел активного, широко мыслящего, многоопытного военного министра. Не менее важно и то, что Стимсон стал символом, мобилизующим поддержку администрации Рузвельта со стороны массы республиканцев, которые со времени Гувера и даже Тедди Рузвельта ощущали оторванность от государственной деятельности – из-за блокирующих действий администраций Хардинга и Кулиджа, конгрессменов-республиканцев, Рузвельта и демократической партии. Эти республиканцы – выходцы из больших городов, в частности, северо-востока страны. Учились в старых частных подготовительных школах и университетах этого региона и имели несколько странный выговор и внешний вид английского типа. Они заполнили адвокатские и брокерские конторы, банки, работали сообща в клубах, фондах, попечительских советах. Читали «Нью-Йорк таймс», «Геральд трибюн» или их подобию в Бостоне, Филадельфии и десятках других городов. Опытные в управлении или консультировании больших предприятий, усвоившие космополитизм в ходе поездок и контактов в стране и за рубежом, привыкшие иметь дело с чиновниками администрации, эти республиканцы, даже осуждая бюрократию, вместе со своими единомышленниками из демократической партии были настроены против Гитлера, симпатизировали англичанам и выступали за укрепление обороноспособности страны.

Фрэнк Нокс представлял собой в некоторой степени особый сектор республиканизма. Кавалерийский офицер, он поддержал Тедди Рузвельта во время великой схизмы 1912 года, в то время как Стимсон, член администрации Уильяма Говарда Тафта, остался на стороне своего шефа. Нокс подвизался в качестве газетчика и политика в штатах Нью-Хэмпшир и Мичиган, прежде чем стать в 1931 году издателем чикагской газеты «Дейли ньюс». В Чикаго, где преобладало влияние газеты «Трибюн» полковника Роберта Р. Маккормика, он рупор умеренного интернационалистского республиканизма, особенно в предвоенные годы.

Две президентские партии обеспечивали Рузвельта государственными чиновниками и политической поддержкой. Стимсон и Нокс наряду со старой командой, сплотившейся вокруг «нового курса», Гопкинсом, верховным судьей Франкфуртером и другими, выступали как сержанты-вербовщики на государственную службу в Вашингтоне в сонме адвокатов и бизнесменов. Среди новобранцев – Роберт Паттерсон, выпускник «Юнион-колледжа» 1912 года и юридического факультета Гарвардского университета, до переезда в Вашингтон служил в Первую мировую войну пехотным офицером, а также федеральным судьей; Джеймс В. Форрестол, выпускник Принстонского университета, служил в ВМС в Первую мировую войну и позднее сделал карьеру председателя правления компании Диллона Рида; Джон Дж. Макклой, выпускник Амхерста, юридического факультета Гарвардского университета, работал в престижных юридических фирмах Нью-Йорка и стал весной 1941 года помощником министра обороны; Роберт Ловетт, выпускник Йельского университета, окончил аспирантуру Гарвардского университета, долгое время был банкиром. Недостатки этих людей – продолжение их достоинств. Иногда их подводила ограниченность мышления и узость кругозора, но лишь немногие подвергали сомнению их искреннее стремление служить общественным идеалам, а также реаль-

ный вклад в укрепление обороноспособности страны в рамках курса, проводившегося Рузвельтом.

Если Стимсон и другие обеспечивали коалицию Рузвельта мандатом на участие в ней республиканцев, то Корделл Халл и новый министр торговли Джесси Джоунс представляли старую и новую политическую элиту юга. После восьми лет государственной службы Халл оставался идеалистом вильсоновского пошиба и моралистом. В то же время он отстаивал идею мировой торговли как средства долговременного разрешения глобального военного конфликта и выступал посредником между Белым домом и старыми конгрессменами от южных штатов на Капитолийском холме. Джоунс был выкроен из другой ткани. Долговязый, седовласый техасец, долго конфликтовавший с Уолл-стрит, он создал на чуждой ему почве «нового курса» свой бюрократический аппарат, точно так же, как построил однажды свою финансовую империю в Техасе. Частью капиталист, частью популист, но всегда техасец из Хьюстона, «император Джоунс» пользовался широким влиянием, поскольку возглавлял министерство торговли и Федеральное кредитное агентство и поддерживал связи с конгрессменами-южанами.

Остальные члены администрации, казалось, представляли все главные составные части демократической партии эпохи «нового курса». Моргентау представлял интересы финансовых и филантропических кругов востока. Фрэнсис Перкинс отстаивала интересы профсоюзов, а также группировок, борющихся за прогресс в гуманитарной сфере и области социального обеспечения. Гаролд Икес представлял пережитки старой партии Теодора Рузвельта (партии Сохатого) – правительственных чиновников, консерваторов. Министр юстиции генерал Джексон – городских фанатиков либеральной демократической партии. Клод Уикард – фермеров, получавших субсидии по программам «нового курса». Министр почт Фрэнк Уолкер, занявший место Джима Фарли после отставки последнего в связи с сопротивлением «третьему сроку президентства», олицетворял в администрации партийную фракцию городских эмигрантов – католиков. Вице-президент Генри Уоллис, причудливое сочетание агрария, борца за прогресс, государственного деятеля, агронома и философа-мистика, представлял прогрессивное крыло сельскохозяйственной науки Среднего Запада, но в нем всего было понемногу: и либерализма во внутренней политике, как у Икеса или госпожи Перкинс, и антиизоляционизма, как у Халла и Стимсона. На самом деле все члены администрации представляли собой нечто гораздо большее, чем брокеров групповых интересов. Большинство из них стали теперь опытными государственными деятелями, закалившимися в бюрократических междоусобицах. Со своим опытом, напористостью, политическим профессионализмом, широким кругозором и разнообразием талантов они составили к 1941 году одну из самых способных администраций в американской истории, – впрочем, Рузвельт имел с ними дело гораздо чаще как с индивидами, чем как с коллективным органом власти.

Трехпартийная коалиция президента включала также контроль над ключевыми структурами Капитолийского холма. Сторонники президента – спикер Сэм Рэйберн из Техаса и лидер большинства Джон У. Маккормик из Массачусетса – в палате представителей, а также лидер сенатского большинства Албен У. Баркли из Кентукки и Джеймс Ф. Бирнс из Южной Каролины – партийные энтузиасты и подлинные лидеры в обеих палатах конгресса. Южане председательствовали в большинстве важных комитетов обеих палат. Блок глубинки юга, хотя и разделившийся в силу обстоятельств, составлял наиболее солидарный из блоков голосования на Капитолийском холме, особенно по вопросам внешней политики. Этот блок, союзный консервативным республиканцам, главным образом аграрных районов, выступал против «нового курса», но, после того как ось национальных приоритетов сместилась с внутренней на внешнюю политику, блок южан превратился в законодательную опору Белого дома. Сенатор Уолтер Джордж из Джорджии олицетворял эту перемену в поведении блока. Ранее один из главных объектов затеянной Рузвельтом чистки консервативных южан, он, правда, сумел сохранить свое кресло. Теперь, на влиятельном посту председателя Комитета по внешней

политике, Джордж поддерживал интервенционистскую политику Рузвельта на международной арене. Вместе с тем южанам, конечно, не принадлежало руководство всеми комитетами. Демократы городов, постепенно наращивая влияние, после того как двадцать лет назад их сторонники добились крупных успехов в овладении муниципалитетами, устремились теперь в высшие органы власти. Роберт Ф. Вагнер от Нью-Йорка председательствовал в сенатском Комитете по банкам и валюте; Дэвид И. Уолш от Массачусетса, отнюдь не доброжелатель президента, – над Комитетом по морским делам. В палате представителей Сол Блум от верхнего Манхэттена возглавлял Комитет по внешней политике; Мэри Н. Нортон от Нью-Джерси – Комитет по труду; Адольф Джон Сабат от Чикаго – Комитет по регламенту, где преобладали южане.

Как ни внушительна трехпартийная коалиция Франклина Рузвельта, в конечном счете ее влияние зависело от голосов избирателей. И как только страна подошла к великим свершениям 1941 года, президент начал зондировать настроения людей: путем бесед с посетителями Белого дома; через опросы общественного мнения; переписку; общение с приятелями-политиками и прессой, а также используя свое феноменальное политическое чутье.

Общественное мнение решительно повернулось – стало поддерживать идею увеличить помощь Англии. В первые недели 1941 года опрос за опросом свидетельствовали, что американцы в соотношении два к одному поддерживали не только законопроект по ленд-лизу, но и спорные предложения: предоставить британским военным кораблям право захода в американские порты для ремонта, заправки горючим и переоснащения; сдавать в аренду боевые самолеты и другие виды военной техники и вооружения Соединенных Штатов, если президент сочтет это полезным для безопасности страны. Явное большинство населения выступало за оказание помощи Англии, даже если при этом есть риск вовлечения в войну. Опросы показывали, что изоляционистские настроения преобладают в глубинке, в штатах, расположенных на территории Среднего Запада и Великих Равнин. В целом молодежь была в большей степени изоляционистской, чем старшее поколение; граждане с низкими доходами – более, чем с высокими, как и менее информированные по сравнению с лучше информированными. Эти показатели свидетельствовали о наличии слабых мест в фундаменте трехпартийной коалиции Рузвельта.

Стимулированием в обществе антиизоляционистских настроений занималась группа активистов под длинным названием Комитет защиты Америки посредством помощи союзникам, созданный вслед за вторжением нацистов в Норвегию. Возглавлял его Уильям Аллен Уайт, старый, проницательный издатель из Канзаса. Президент, бывало, упрекал Аллена в том, что он не сотрудничал с администрацией три с половиной года из четырех, но Уайт старался сохранить свое реноме республиканца, даже мобилизуя общественную поддержку внешней политике Рузвельта. Комитет имел столько местных отделений, что казался многим друзьям и союзникам штабом огромной армии. На самом деле численность комитета сравнительно невелика, а Уайт, поддерживавший с Белым домом постоянную связь, высказывался о том, что касалось вовлечения страны в войну, так же осторожно, как и сам президент. Он считал, что его комитет не должен «опережать инициативы Белого дома и армейского командования». Комитет раздирали противоречия между сторонниками оказания помощи за рубежом, не влекущей риска вовлечения в войну, и абсолютными интервенционистами, особенно многочисленными в больших городах на востоке страны. Уайт оставил свой пост председателя комитета в начале января 1941 года, вскоре после того, как ярый интервенционист мэр Нью-Йорка обвинил его в «копировании тактики Лавалы». Точно так же внушительны на вид, но расколоты внутри изоляционистские группировки, представляющие широкий спектр организаций – от Комитета борьбы за свободу до наиболее многочисленного и влиятельного комитета «Америка прежде всего», а также комитета «Один миллион» во главе с Джералдом Л.-К. Смитом и сонма небольших, еще более экстремистских групп.

Набор мнений изоляционистов относительно внешней политики причудлив и разнообразен. Этнические изоляционисты – американцы немецкого и итальянского происхождения – противились разжиганию враждебных настроений против родины предков (американцы немецкого происхождения, кроме того, помнили истерию вражды против Хуна во время Первой мировой войны). Американцы ирландского происхождения, концентрировавшиеся в больших городах, не могли простить англичанам эксцессы в Улд-Соде. Идейные изоляционисты считали, что США втянуты в Первую мировую войну, обескровлены и затем отвергнуты, как дядя Шейлок. Усматривали дьявольские козни и кабалистический заговор в каждом шаге, направленном на вовлечение в войну. Левые изоляционисты считали войну конфликтом между империалистами. Правые опасались увеличения государственных расходов, налогов, разбухания государственного аппарата, ограничения индивидуальных свобод и даже диктатуры Рузвельта. Среди изоляционистов были интеллектуалы, которые имели мало общего между собой, за исключением страха перед милитаризмом, толкования истории дипломатии как цепи соблазнов невинных американцев и видения войны как угрозы гражданским свободам и социальному обеспечению, а также праздной игры ума.

Интервенционисты делились примерно таким же образом. Монолитного единства не наблюдалось ни в одной из групп. Расхождения во взглядах на внешнюю политику между группами бизнесменов, профсоюзных деятелей и либералов столь же резки, сколь и различия между самими группами. Под влиянием событий за рубежом эти расхождения мало-помалу сглаживались.

Под комплексом медленно менявшихся настроений скрывалось для вашингтонских политиков кое-что более устойчивое, бессознательное и тревожное. Это «нечто» не связано с какой-либо программой, группой или мнением – это убеждение, выражавшееся в простом вопле: «Никаких войн за рубежом!» Складывалось оно из опасения вовлечь страну в международные дела, цинизма в отношении других стран, пессимизма, когда речь заходила о сотрудничестве демократий. Подобный настрой подогревался разочарованием, страхом, крушением иллюзий, смешанным с чувством превосходства и неполноценности в сравнении с другими народами. Он принимал форму безотчетной, сильной и необратимой неприязни к участию в войнах за рубежом. Обороняться – да, помогать союзникам – возможно, но участвовать самим в войнах за рубежом – никогда.

Рузвельт не только знал об этом настроении – он помогал ему возникнуть. От речи к речи он поклонялся богу невмешательства. Его возражения против интервенционизма достигли пика во время предвыборной кампании 1940 года. Военную акцию, говорил он, больше нельзя считать альтернативным средством внешней политики, даже используемым разумно и осторожно. Это исключается напрочь, если не возникнет необходимости прямого вторжения. Но теперь эта установка противоречила другим настроениям, пока еще не распространившимся широко, непрочным, но растущим в связи с успехами нацистов, – настроениям, рождавшимся из возмущения захватнической политикой и жестокостью фашистов, неприязни к нацистскому расизму, симпатий к странам и народам, подвергшимся нацистской агрессии и оккупации, беспокойства за судьбу евреев, восхищения сопротивлением англичан.

Подобно огромному резонатору, конгресс подхватывал, преумножал и искажал этот клубок идеологий, отношений и настроений. Поскольку в сенате были обильно представлены и интервенционисты юга, и изоляционисты континентальной части страны, дебаты там приобретали крайние формы. Это самый легкий способ избежать трудных политических решений. Конгрессмены-изоляционисты рассчитывали на эмоциональную поддержку, расписывая ужасы, которые принесет американским парням война. Сенаторы-интервенционисты, высоко паря над трудными выборами и дилеммами, опирались на сочувствие героической борьбе союзников, страх перед державами «Оси».

Однако президенту не приходилось уклоняться от трудного выбора. Время убедительных речей прошло, настало время реальных политических действий и программ, а также политиков, способных работать сообща. Президент крайне нуждался в укреплении своего союза с умеренными республиканцами – интервенционистами. Уэнделл Уилки, потративший немного времени, чтобы прийти в себя после поражения на выборах, решил посетить осажденную Англию. Когда в середине января он прибыл в Вашингтон за заграничным паспортом, Халл привел его к президенту. Состоялась забавная встреча двух экс-кандидатов на президентское кресло. Президент вручил Уилки письмо, адресованное «дорогому Черчиллю»:

«Уэнделл Уилки доставит вам это письмо. Он не смешивает дела с политиканством. Думаю, эти стихи адресованы народам наших стран:

Плыви, корабль государства!
Плыви, великий и сильный союз!
Человечество, со всеми своими страхами,
Со своими надеждами на будущее,
Затаив дыхание полагается на твою судьбу!»

ЛЕНД-ЛИЗ: ОСТРЫЕ ДЕБАТЫ

Теперь президент сталкивался с чрезвычайно трудной проблемой: как добиться поддержки конгрессом и народом решения, позволяющего оказать существенную помощь зарубежным демократиям, но непонятного большинству избирателей, обременительного для налогоплательщиков и, очевидно, не устраивающего всех подряд. Осуществление этого решения так тесно привяжет военные и дипломатические дела страны к Англии и другим зарубежным государствам, что, несомненно, встревожит изоляционистов. Кроме того, возбудит в обществе настроения, выражающиеся в лозунге: «Никаких внешних войн!» Подход президента к решению этой проблемы прост: законопроект о ленд-лизе представить не как шаг к войне, а как отступление от нее. Рузвельт не собирался дразнить идола – американское общественное мнение.

Противники президента не дремали. «Никогда прежде, – возмущался по радио сенатор Бертон К. Уилер от штата Монтана, – наша страна не прибегала к двойным стандартам во внешней политике. Никогда прежде в Соединенных Штатах ни один политик не наделялся властью для ослабления обороноспособности страны». Разгорячившись, Уилер продолжал: «Программа ленд-лиза – это Антанта во внешней политике „нового курса“. Она зароет каждого четвертого американского парня».

Рузвельт, который обычно отмалчивался и не отвечал на нападки, счел необходимым дать отпор сенатору. В беседе с корреспондентом он расценил заявление Уилера как самое лживое, трусливое и антипатриотичное из всех, какие ему приходилось слышать: «Прочитайте мое мнение об этом заявлении. Вот уж действительно наибольшая гнусность, высказанная публично при жизни моего поколения».

К тому времени как собрался конгресс и политики приготовились к обстоятельным дебатам, президент выработал формат и основное содержание законопроекта. Он проконсультировался со многими советниками и экспертами, включая судью Верховного суда Феликса Франкфуртера; предпринял тщетную попытку обойти сенатский Комитет по внешним связям; посоветовался с лидерами большинства в палате представителей и сенате, а также с республиканцами – противниками изоляционизма. Побеседовал с Моргантау, с которым сотрудничал во время подготовки законопроекта для представления в Комитет палаты представителей по иностранным делам и даже написал часть вступительной речи для Халла на представлении

законопроекта. Сам законопроект, получивший счастливый входящий номер ПП (палата представителей) № 1776, наделял президента широкими полномочиями: санкционировать производство и поставки «любого оборудования оборонного назначения для правительства страны, сотрудничество с которым президент считает важным для защиты Соединенных Штатов»; продавать, переводить трансфертом, производить обмен, давать займы или в аренду любое такое оборудование любому такому правительству; производить ремонтные работы или переоснащение любого такого оборудования для любого такого правительства. Президент наделялся также всеми полномочиями формулировать условия соглашений с такими правительствами, если возникнет необходимость.

«Это законопроект разрушения Американской Республики, – мрачно провозглашала „Чикаго трибюн“. – Это инструкция по установлению неограниченной диктатуры, наделенной властью распоряжаться имуществом и жизнями американцев, постоянно вести войны и вступать в альянсы». Интервенционистские газеты ответили на этот выпад полковника Маккормика. Вскоре начались бурные дебаты по законопроекту в прессе. Телеграммы в Белый дом свидетельствовали о мощной поддержке законопроекта, особенно среди населения среднеатлантических штатов, но Рузвельт понимал, что судить о настроениях общественности лишь по телеграммам не следует.

– Меньше определенности, – наставлял он Моргентау, собиравшегося выступить с представлением законопроекта.

Тот следовал этим наставлениям. Так же поступали Халл, Стимсон и Нокс во время пояснений к законопроекту в Комитете палаты представителей по иностранным делам. В тон заголовкам нью-йоркской «Таймс», напечатанным в четыре колонки, представители администрации предостерегали от возможного вторжения нацистов на Британские острова в течение трех месяцев, выражали опасения, что возможно нападение на сами Соединенные Штаты, если британский флот будет разгромлен или захвачен противником, и настаивали на предоставлении как можно более широких полномочий исполнительной власти. Они старались быть уклончивыми по таким вопросам, как масштабы финансирования программ ленд-лиза и включение в число получателей американской помощи по этому закону других государств. Представители комитета, расположившиеся по обеим сторонам от своего председателя Сола Блума, похожего на сову, добивались ответа от представителей администрации на два вопроса: если поставки по ленд-лизу столкнутся с трудностями, потребуются ли американские боевые корабли, чтобы сопровождать через Атлантику грузовые суда; не приведет ли эскорт грузовых судов к войне?

Эти вопросы ставили министров перед моральной проблемой. Все четверо выступали за вмешательство в войну еще более активно, чем позволял себе президент. Однако им приходилось следовать тактике своего шефа «шаг за шагом», в том числе его прогнозу – ленд-лиз уменьшает опасность вовлечения в войну. Дилемма оказалась особенно болезненной для Стимсона. Привыкший к откровенным суждениям и решительным действиям, он считал, что флот должен конвоировать коммерческие суда и Соединенные Штаты, в конце концов, вмешаются в войну, но не мог открыто высказать это. Догадываясь о мучившей Стимсона дилемме, критики в конгрессе набрасывались на него с особым остервенением и не уступали в этом его старому врагу Хэму Фишу.

Рузвельту удавалось оставаться в стороне от баталий на Капитолийском холме. Но когда члены комитета стали одолевать представителей Белого дома вопросом, сможет ли президент в соответствии с законопроектом передать зарубежным странам часть ВМС США, старый моряк возмутился.

– Президент весьма привязан к флоту США и не собирается транжирить его, – заметил Рузвельт ледяным тоном на пресс-конференции. – Законопроект, – продолжал он, – не способен помешать президенту стоять на голове, но президент не собирается стоять на голове.

Первым свидетелем на слушаниях в комитете, выступившим против законопроекта, стал также представитель администрации, правда отбывающий за рубеж, Джозеф П. Кеннеди, чрезвычайный и полномочный посол в Великобритании. Кеннеди оказался неоднозначным свидетелем. Его раздирали противоречия между скептицизмом в отношении шансов выстоять и восхищением по поводу мужества, проявленного англичанами под бомбежками; лояльностью к президенту и страхом перед усилением президентской власти; отвращением к нацизму и желанием помешать вмешательству США в войну, и он закончил возражениями против принятия законопроекта, но одобрением любой помощи Англии, не влекущей риска вовлечения в войну. Норман Томас, четырехкратный кандидат от социалистов в президенты, указывал со своим обычным красноречием, что законопроект угрожает американской демократии и гражданским свободам. Но члены комитета – изоляционисты обнаружили, что его аргументация сильно отличается от их собственной. Его свидетельство доставило им мало удовлетворения.

Изоляционисты нуждались в национальном герое, популярном символе и красноречивом ораторе. Все эти три качества они нашли в своем ключевом свидетеле Чарлзе А. Линдберге. Столь же стройный и моложавый, как в то время, когда четырнадцать лет назад перелетел Атлантику, «одиноким орел» излагал свои аргументы перед внимающей и аплодирующей аудиторией. Мощь ВВС двух стран, говорил он, – непреодолимая преграда для захвата Германией Соединенных Штатов и наоборот. Страна должна использовать все свои силы для защиты Западного полушария. Победа любой из сторон не принесет США никакой выгоды, они должны добиваться мира путем переговоров. Законопроект ПП № 1776 призван просто продлить войну и увеличить кровопролитие с обеих сторон. Это шаг назад от демократии и шаг в направлении войны.

– Мы достаточно сильны как государство и во всем нашем полушарии, чтобы поддерживать свой собственный образ жизни независимо от... позиции... стран в другом полушарии. Я не верю, что у нас достаточно сил, чтобы навязать свой образ жизни Европе или Азии.

Рузвельт знал, что располагает в комитете палаты представителей и в самой палате достаточным числом голосов, но, чтобы быть абсолютно уверенным в прохождении законопроекта, с готовностью согласился в конце января на несколько поправок к документу. Поправки включали ограничение срока, в течение которого президент мог одобрить соглашения со странами-партнерами, требование консультаций с руководителями соответствующих служб перед отправкой вооружения и военной техники за рубеж и невероятное условие, направленное против эскорта грузовых судов военными кораблями. Восьмого февраля палата представителей приняла исправленный законопроект почти без изменений большинством – 260 голосов против 165. Четырехсторонний расклад сил очевиден: большая группа демократов и маленькая – республиканцев голосовали за, основная часть республиканцев и немного демократов – против.

Предстояло главное испытание в сенате. В величавой верхней палате поджидало верховное жречество изоляционизма Америки: Хирам Джонсон от штата Калифорния, старый член партии Сохатого и противник Лиги Наций, – на лице его отпечатались драчливость и своеволие; Роберт М. Ла Фолетт-младший от штата Висконсин, сын и политический наследник прогрессиста, изоляциониста Воинственного Боба; Артур Ванденберг, проницательный, наблюдательный и думающий сенатор; Беннет Чемп Кларк, сын выдающегося Чемпа Кларка из штата Миссури, большой любитель перекрестного допроса; Джералд П. Най от штата Северная Дакота, руководивший в середине 30-х годов известным расследованием деятельности фирм – производителей военного снаряжения, прозванных «торговцами смертью». Все они – члены сенатского Комитета по внешним связям, пользовались поддержкой в верхней палате со стороны двухпартийной фракции во главе с Бертоном Уилером, пламенным оратором, который вел и персональную вендетту против президента и Роберта Тафта, избранного в сенат всего

два года назад, но уже приобретшего интеллектуальное влияние на холме. В комитете состояли и сторонники администрации: Том Коннэли от штата Техас, Клод Пеппер от Флориды, Теодор Фрэнсис Грин от Род-Айленда, Баркли и Бирнс.

Споры распространились на всю территорию страны. В них принимали участие преподаватели, адвокаты, бизнесмены и министры – они выступали у микрофона, с трибун и на уличных сходках. Комитет «Америка прежде всего» состязался с Комитетом в защиту Америки в выпуске памфлетов, плакатов, радиозаписей, петиций, автоафиш, объявлений, информационных бюллетеней. Две группировки яростно конфликтовали в Чикаго. Комитет «Америка прежде всего» собрал в Иллинойсе свыше 500 тысяч подписей под петициями, в то время как интервенционисты разослали 100 тысяч писем и распространили у проходных заводов 30 тысяч листовок. Это «респектабельные» соперники; к ним примыкали массы экстремистов и группы демагогов, которые сводили дебаты к противоборству «пораженцев» и «фашистов», с одной стороны, и «коммунистов» и «поджигателей войны» – с другой.

Общественная буря ворвалась в Вашингтон и в сам Капитолий. Представители «Стражей Пола Риверы» и Нейтралистской лиги женщин маршировали со своими плакатами перед британским посольством. Один из них гласил: «Бенедикт Арнолд тоже помогал Англии». Они оставили висеть на посольских воротах изображение двуликой фигуры с лицами Рузвельта и Уилки. Особенно активны были матери, подлинные и мнимые. Элизабет Диллинг, автор «Красной сети», возглавила крестовый поход матерей против законопроекта № 1776 к одному из учреждений сената и организовала сидячую забастовку перед офисом откровенного интервенциониста Картера Гласса. Дебаты в палате представителей прервало появление леди в черном плаще и с маской смерти на лице, скандировавшей: «Моя Новена». Полиция остановила большое шествие левых у самых ступеней Капитолия. Воинственные демонстранты скапливались в городе в преддверии очередного раунда слушаний в старом, темном, декорированном зале для совещаний в сенате.

Здесь Халл, Стимсон и другие опять обосновывали законопроект администрации и отвергали вероятность войны. И снова Линдберг и другие критики законопроекта предупреждали об угрозе диктатуры, банкротства, послевоенного хаоса и коммунизма. Однако теперь Белый дом приобрел нового, авторитетного сторонника законопроекта. Уэнделл Уилки вернулся из триумфальной поездки в Англию. Он появился в сенатском комитете 11 февраля, прямо с самолета, таким же взъерошенным, оживленным и красноречивым, как прежде. Тысяча двести слушателей, набившихся в помещение с мраморными стенами, с ликованием и ворчанием встречали его речь в поддержку ленд-лиза. В ответ члены комитета процитировали предвыборные обвинения Уилки в адрес Рузвельта – в изворотливости, секретности и подстрекательстве к войне.

Уилки подался вперед, собираясь оправдываться, но затем выпалил:

– Протестую. Я боролся как мог, чтобы победить на выборах Франклина Рузвельта, и не хотел бы, чтобы кто-то злоупотреблял моими заявлениями того времени. Рузвельта избрали президентом. Теперь он мой президент.

Аудитория бурно аплодировала. Председатель сенатского комитета пригрозил очистить зал. Несколько минутами позднее выступил сенатор Най. Он процитировал слова Уилки, сказанные во время предвыборной борьбы: «Учитывая прежний опыт обращений Рузвельта к народу, можно ожидать, что, если его изберут президентом, мы окажемся втянутыми в войну в апреле сорок первого года».

– Вы спрашиваете, говорил я это или нет?

– А вы до сих пор считаете, что это могло бы произойти?

– «Могло бы»? Это всего лишь предвыборная риторика.

Зал разразился смехом.

– Рад, что вы прочли мои речи, президент говорил, что не знаком с ними.

Новый взрыв смеха. Най отступил.

Снова сторонники администрации превзошли числом голосов своих противников. В середине февраля Комитет по внешней политике принял законопроект за основу соотношением голосов пятнадцать к восьми, причем один республиканец высказался за и два демократа – против. Изоляционисты предприняли последнюю попытку выхолостить документ, затягивая его обсуждение в сенате. Один Най выступал в комитете двенадцать часов. Теперь стало ясно, что законопроект пройдет процедуру обсуждения. Вопрос заключался в том, когда это произойдет и какие поправки будут в него внесены. Влияя на обсуждение через своих сторонников, Рузвельту удалось забаллотировать поправку, призванную ограничить использование им флота и сухопутных сил вне Западного полушария. Но президента, надеявшегося на принятие законопроекта к середине февраля, разочаровала наполовину флибустьерская тактика его критиков на Капитолийском холме, к тому же он простудился.

На этой стадии обсуждения два сенатора-демократа, Бирнс и Гарри Берд от Вирджинии, объединились с Тафтом в стремлении обеспечить конгрессу решающий контроль над поставками по ленд-лизу; путь к такому контролю – приобрести prerogatives в финансировании этих поставок. С самого начала настаивая на свободе действий президента в этом вопросе, Рузвельт понимал, что дебаты не должны слишком затягиваться. После энергичных, но тщетных попыток сорвать принятие такой поправки президент с ней согласился. Теперь сопротивление документу в конгрессе ослабло. Исправленный законопроект приняли обе палаты внушительным большинством голосов. Рузвельт воспрянул телом и духом, стал действовать активнее. За несколько часов до подписания 11 марта законопроекта № 1776 он разослал списки наличных вооружений представителям Англии и Греции, запросив у конгресса 7 миллиардов долларов для осуществления поставок в соответствии с новым законом.

Семь миллиардов долларов – теперь никто не сомневался в решимости президента и страны в целом. После удручающих проволочек Соединенные Штаты взяли обязательство в отношении атлантического единства и его защиты – обязательство, которое продержалось десятилетия.

– Да, решения в нашем демократическом обществе, возможно, принимаются медленно, – говорил президент через несколько дней на обеде в Белом доме в честь представителей Ассоциации корреспондентов. – Но принятое решение – это воля отнюдь не одного человека, а 130 миллионов.

«ТЕПЕРЬ БЫСТРЕЕ, ЕЩЕ БЫСТРЕЕ»

Рузвельт не стал использовать все свое политическое влияние в борьбе за принятие законопроекта о ленд-лизе в конгрессе. Он с готовностью пошел на компромисс в принятии ряда существенных поправок к законопроекту и воздерживался от ответа на обвинения в подстрекательстве к войне. Средствами прямого давления пользовался весьма редко; тем не менее один сенатор с запада вошел в рабочий кабинет президента настроенным враждебно к ленд-лизу, а вышел оттуда сторонником закона. Большой честью президент переносил неприятности молча, но когда борьба оставалась позади, больше не сдерживал себя.

Наступил день после того, как Рузвельт подписал законопроект о ленд-лизе. Пообедав с Гопкинсом, Шервудом и Мисси Лехэнд, президент засел в Овальном кабинете обдумывать речь, с которой выступит перед Ассоциацией корреспондентов Белого дома. За обедом его не покидало веселое настроение; теперь, просмотрев газетные вырезки в папке для подготовки речей, лежащей на коленях, он вспомнил все резкие обвинения в свой адрес. Объявив, что «собирается на этот раз быть действительно жестким», президент начал диктовать одну из самых язвительных речей, которые Шервуд когда-либо слышал. «Один сенатор» сказал то, «один республиканец» сказал это, – долго сдерживавшееся негодование Рузвельта против них

вылилось наружу. Ошеломленный, Шервуд разыскал Гопкинса, который ушел в свою комнату. Как мог президент предаваться раздражению в час победы? Гопкинс успокаивал Шервуда: босс никогда не воспользуется ни одной из этих тирад, просто освобождается от накопившегося возмущения. Затем Гопкинс заговорил о Рузвельте в манере, удивившей Шервуда:

– Ты и я состоим при Рузвельте, потому что он выдающийся духовный лидер, идеалист, вроде Вильсона, и стремится изо всех сил, вопреки любому сопротивлению, реализовать свои идеалы... Разумеется, в этом городе много людишек, которые постоянно стремятся опустить президента до собственного уровня, и они пользуются порой некоторым влиянием. Но наша с тобой задача, пока мы в Белом доме, – напоминать президенту о его незаурядности и что в этом духе он должен говорить и действовать...

Гопкинс оказался прав, когда говорил о желании Рузвельта «выпустить пар».

– Не позволяйте нам тратить время на экскурсии в прошлое или поиски виновных за него, – говорил Рузвельт корреспондентам Белого дома во время короткой передышки в их беспокойной деятельности. – Самая главная новость этой недели заключается в следующем: мир оповещен о том, что мы, сплотившийся народ, осознаем угрозу, которая нам противостоит, и наша демократия приступила к действиям, чтобы устранить эту угрозу...

Мы твердо убеждены, что, пока производство страны дает максимум продукции, демократии всех стран смогут доказать, что диктатуры не способны победить.

Но сейчас, именно в данный момент, фактор времени имеет колоссальное значение. Важен каждый самолет, каждый вид оружия, без которого мы можем обойтись, но посылаем его за рубеж, потому что это правильная стратегия...

В этот момент репортеры, до сих пор апатично внимавшие речи Рузвельта, встрепенулись.

– Здесь, в Вашингтоне, мы поняли сейчас необходимость максимального ускорения. Надеюсь, что лозунг «Быстрее, еще быстрее» будет осознан в каждом доме страны...

Это одна из наиболее эмоциональных речей Рузвельта, но пафос ее шел дальше того, чтобы разъяснить важность наращивания военного потенциала зимой 1941 года. Многие политики сомневались, что президентский оборонный штаб способен выполнить гигантские задачи мобилизации все еще дезорганизованной и обьятой забастовками экономики. Производство росло неровно. Местами производители показывали чудеса, но в целом объем выпуска продукции рос медленно, а спрос – внутри страны, в Англии, Греции, на Ближнем и Дальнем Востоке – далеко превосходил прежние наметки и даже прогнозы.

В конце минувшего года Рузвельта яростно критиковали, особенно Уилки, за приверженность устаревшей модели организации обороны. Вслед за нацистским блицкригом во Франции президент учредил Комиссию советников при Национальном совете обороны (КСНО). Аналог учреждения времен Первой мировой войны, совет был лишен законодательной власти, соответствующих полномочий, делегированных от президента, и единоначалия. Комиссия производила впечатление не столько органа государственной власти, сколько клуба именитых «советников»: Уильям С. Кнудсен, сын эмигранта, который приобрел известность как крупный организатор производства, создав на заводах компании «Дженерал моторс» поточные линии, консультировал по проблемам промышленного производства; Эдвард Д. Стеттиниус, сын одного из партнеров корпорации Моргана, симпатизировавший «новому курсу», был экспертом по промышленному сырью; Сидни Хиллмэн, сын другого эмигранта (любопытная помесь энергичного профсоюзного лидера и дипломатичного менеджера; старый приятель и сторонник президента), взял на себя вопросы занятости рабочей силы; Леон Гендерсон, энергичный и прямолинейный сторонник «нового курса», ведал ценами на сырье и продовольственные продукты. К концу 1940 года советники все еще не имели ни определенного руководителя, ни власти; они сами просили Рузвельта создать из комиссии влиятельный дееспособный орган.

В начале нового года президент учредил Управление по промышленному производству (УПП), в руководство которого вошли Кнудсен, Хиллмэн, Стимсон и Нокс. Управление было укомплектовано большей частью прежними экспертами и пользовалось на бумаге гораздо более широкими и четкими полномочиями, чем КСНО. Президент разъяснил журналистам функции нового учреждения. «Большая четверка» определяет политику, а Кнудсен и Хиллмэн претворяют ее в жизнь, «точно так же, как это делает юридическая фирма». Репортеры стремились понять, кто станет управлять этим учреждением, руководство которого напоминает многоголовую гидру. Будут ли Кнудсен и Хиллмэн располагать равной ответственностью?

Рузвельт. Не в этом суть. Оба они составляют фирму. Существует ли в фирме равенство? Не знаю...

Репортер. Почему вы не хотите единоначалия?

Рузвельт. У меня есть единоначалие. Оно называется Кнудсен и Хиллмэн.

Репортер. Это два начальника.

Рузвельт. Нет, один. Другими словами, когда вам грозит беда, лучше иметь одну фирму или две?

Репортер. По-моему, сравнение неуместно.

Рузвельт. В этом как раз дело. Вы убедитесь сами, когда попадете в беду.

Репортер. Предпочитаю обойтись без беды.

Рузвельт. Думаю, им повезет тоже. Они уверены, что повезет, и это интереснее всего...

«...Убедитесь сами, когда попадете в беду». Эта фраза могла быть девизом соратников Рузвельта в усилиях по мобилизации военного производства в течение всего 1941 года. В начале весны они столкнулись с острым дефицитом сырья. Сделав предварительно оптимистические заявления, руководство УПП было вынуждено затем решать проблему нехватки алюминия, чрезвычайно важную для производства самолетов, а также проблемы, связанные с монополией на производство алюминия, которое почти целиком сосредоточилось под контролем «Алюминиум компани оф Америка». Когда встал вопрос о быстром расширении поставок алюминия промышленным предприятиям посредством «Алькаа» или более медленных поставках посредством новой потенциально конкурентоспособной компании, деятели «нового курса» возражали против создания алюминиевого «треста», однако Стимсон заметил:

– Лучше иметь какое-то количество «нечестного» алюминия сейчас, чем много «честного» через год.

Не хватало станков – первоочередная проблема всех оборонных усилий, – и вопреки успокоительным заявлениям маячила угроза дефицита электроэнергии. Возможности поднять выработку угля были большие, но существовала опасность забастовок под руководством лидера профсоюза «Объединенные шахтеры» Джона Л. Льюиса, который все еще переживал неудачную попытку склонить шахтеров поддержать на выборах Уилки вместо Рузвельта.

Казалось, президент сохранял свой обычный добродушный оптимизм относительно производственных мощностей страны в стесненных обстоятельствах. Потенциально опасной становилась ситуация с производством стали. В конце 1940 года Рузвельт попросил Стеттиниуса произвести оценку возможностей сталелитейной промышленности. Когда помощник Стеттиниуса Гано Данн, ведавший этой отраслью производства, сделал прогноз на 1942 год об увеличении выплавки стали на 10 миллионов тонн, Рузвельт принял его доклад как ориентир и посвятил ему целую пресс-конференцию. Однако в течение пяти недель Данну пришлось сделать более пессимистический доклад.

За всем этим скептически наблюдал через пенсне ветеран борьбы за мобилизацию экономики во время Первой мировой войны. Бернард Барух долгое время поддерживал дружеские отношения с президентом, который не жалел для старого поклонника Вильсона никаких комплиментов, однако следовать рекомендациям ветерана воздерживался. Совет Баруха, озвучивавшийся несколько месяцев, был прост и категоричен: необходимо объединить в ведом-

ство под властью одного руководителя контрольные службы над распределением материальных средств, приоритетами и ценами. С ним соглашались многие авторы редакционных статей в газетах, а также высокопоставленные представители администрации. Стимсон также призывал последовать этому совету на том основании, что некто облеченный властью руководителя такого ведомства почувствует «бремя ответственности». Моргентау хотел, чтобы его шеф организовал при администрации нечто вроде департамента снабжения, в ведение которого отдана вся мобилизационная программа. Казалось, все жаждали царя, особенно если бы царем стал кто-нибудь из них.

Рузвельт был против этого. Объясняя функции УПП журналистам, он говорил, что невозможно найти для этого учреждения никакого царя, Винни-Пуха, Ахунда Свата, совмещающего несколько должностей, или подгонял, что лишь дилетанты считают иначе. По конституции лишь один человек – президент – несет всю ответственность за мобилизацию экономики. Но с приближением весны 1941 года становилось очевидным, что президент, несущий груз многообразной власти, не в силах координировать многочисленные сферы оборонного производства. Тем не менее Рузвельт ничего не предпринимал в данном направлении. Очевидно, для этого существовали более глубокие причины, не связанные с многообразной тактикой: двигаться шаг за шагом, избегать обязательств перед кем-нибудь или какой-либо программой; освобождать подчиненных от бремени ответственности и прививать им состязательный азарт, препятствовать приобретению одним лицом слишком большого числа контролирующих функций; устранять опасность стать пленником собственного административного аппарата и, что важнее всего, сохранять свободу выбора в мире, полном ловушек и неожиданностей; эта тактика помогала Рузвельту сохранять либеральный, хотя и рискованный стиль управления.

На следующий день после инаугурации Рузвельта либеральная нью-йоркская газета «ПМ» поместила на первой странице не отчет о пышных вашингтонских торжествах, а снимки верениц людей, сидящих на скамейках у приюта бедняков квартала Боуери. Головы опущены, но это не молебен: все сидят на спинках скамеек, натянув на голову пальто, явно что-то бормочут, кашляют, чихают, почесываются. Частичка 7 тысяч бездомных Нью-Йорка, днем они живут на подаяния, а ночью набиваются в приюты, временки и ночлежки. Ровно в пять часов утра эти люди – молодые и старые, сытые и голодные, одетые прилично и плохо, здоровые и инвалиды – начинают очередной день с бесцельного бродяжничества.

Беспошадный комментарий к программе «Помощь. Восстановление. Реформа», осуществлявшейся в течение двух сроков президентства Рузвельта. Нельзя сказать, что комментарий несправедлив. Через четыре года после того, как Рузвельт заявил, что «треть нации недоедает, не имеет приличной одежды и жилья», через четыре года после того, как он провозгласил: «...мы должны действовать немедленно, чтобы демократия двигалась вперед...», экономическое и социальное положение народа заметно не улучшилось. Национальная конференция по проблемам питания в условиях осуществления военной программы, собравшаяся весной 1941 года в Вашингтоне, констатировала, что более 40 процентов населения либо недоедает, либо получает не вполне пригодную пищу. Отстает строительство жилья; в зонах оборонных предприятий и объектов люди живут в лачугах, бытовках, автоприцепах, палаточных лагерях и мотелях, где в одиночном номере ютятся целая семья. В городах, куда хлынули рабочие по лимиту, слишком высока арендная плата за жилье. Из первого миллиона призывников на военную службу признано непригодными почти 40 процентов; треть из них забракуют по причине плохого питания. Это уже само по себе зло; к тому же оно демонстрировало заметные социальные прорехи при подготовке страны к войне.

Как обычно, в тяжелом положении негров в резкой форме отражалось социальное неблагополучие всей нации. Группа блестящих социологов под руководством шведского экономиста Гуннара Мюрдаля обнаружила, что в начале 1941 года процент цветной рабочей силы, занятой в ведущих отраслях оборонной промышленности, снижался. Среди рабочих большинства

крупных предприятий по производству вооружений чернокожих американцев не было вовсе. Многие профсоюзы проявляли к черным дискриминационное отношение, опасаясь, в частности, вытеснения белых рабочих. Будущее не воодушевляло. В декабре 1940 года количество чернокожих американцев среди учеников и на курсах повышения квалификации оборонных предприятий составляло менее 2 процентов. Негры могли бы поискать шансы на получение образования и одинаковой оплаты с белыми в армии, но здесь преобладала сегрегация. Новобранцы-негры были сконцентрированы в основном на юге, а в конце 1940 года в сухопутных войсках служили всего два офицера-негра, во флоте – ни одного. На следующий год подразделение черных солдат, следовавшее строем по автостраде, оказалось вытеснено на обочину белыми военнослужащими. В ответ на протесты белого командира подразделения его обозвали «угодником негров».

Надо сказать, что федеральные власти располагали достаточным количеством учреждений для решения этих острых проблем. «Новый курс» значительно увеличил их число, в некоторых направлениях социальной политики – даже слишком. Одиннадцать федеральных ведомств занимались только жилищными проблемами. Но большинство социальных программ плохо финансировалось. Группы исследования и планирования содержались консерваторами конгресса на голодном пайке, а правительство весьма зависело от государственных и местных ведомств и фондов. Службы занятости, чрезвычайно необходимые в периоды повышения мобильности и мобилизации рабочей силы, являют собой разительный пример.

Почти ежедневно такими проблемами занимался тот, чье имя составляет вторую часть неуклюжего названия руководящего органа УПП «Кнудсенхиллмэн», да еще решая двойную задачу – поиск мест для рабочих по специальности и закрепления их на этих местах. Сидни Хиллмэн как профсоюзный деятель устраивал Рузвельта: приступал к изучению проблем без предубеждения, но в решении их проявлял принципиальность; проявлял гибкость в ходе переговоров, но твердость – на их заключительной стадии; последовательно защищал профсоюзные права, но был способен действовать и на более широком политическом поле. Хиллмэн располагал солидной, активной поддержкой в своем Объединенном профсоюзе рабочих трикотажной промышленности. Давно привыкший улаживать дела с коммунистами, социалистами, представителями этнических групп, прожженными боссами трикотажной промышленности, этот «профсоюзный политик» лавировал между своим старым соратником по борьбе лидером Конгресса производственных профсоюзов (КПП) Джоном Л. Льюисом и руководителем Американской федерации труда (АФТ) Уильямом Грином; либеральными профсоюзными идеологами, единодушно поддерживавшими оборонные усилия, и прагматичными вашингтонскими политиками; представителями оборонной промышленности и проводниками «нового курса», засевшими в старых вашингтонских анклавах.

В Вашингтоне Хиллмэну потребовался весь его профсоюзный опыт, поскольку с самого начала он занялся внедрением в оборонную промышленность стандартов трудовых отношений, а также координацией работы плохо организованных агентств по найму рабочей силы для оборонного производства. Он сдружился с Кнудсеном – мог бы сдружиться с любым другим. Они легко договорились о разграничении полномочий: Кнудсен сосредоточится на производстве и его приоритетах, Хиллмэн – на обеспечении предприятий рабочей силой, предотвращении забастовок и осуществлении трудового законодательства. Но различная клиентура, разное понимание ответственности и способов решения поставленных задач, а также активность заинтересованных групп и штатных помощников вокруг обоих руководителей постоянно вызывали напряженность. Изнуренный конфликтами и напряжением, Хиллмэн обращался за поддержкой в Белый дом.

Рузвельт ему нравился – своим радушием, самой манерой наклонять мундштук в уголке рта. «У этого человека есть свой стиль», – говорил Хиллмэн приятелям. Но Рузвельту тоже приходилось вести торг, совещаться, идти на компромиссы, причем в гораздо более широкой

сфере, чем Хиллмэну. И профсоюзный политик часто строил и восстанавливал свои редуты в Вашингтонских баталиях в одиночку.

Итак, в начале 1941 года Хиллмэн, Кнудсен, их коллеги и соперники, клиенты работали изо всех сил в условиях тяжелых социальных последствий двенадцатилетней экономической депрессии, циклических подъемов и спадов производства, часто выполняя свои функции порознь, но под либеральным руководством Рузвельта. Они стремились приспособить людей и планы к быстро менявшейся военной обстановке, к довольно неясной стратегии Америки, к стилю руководства властей, которые медлили с решениями целые томительные недели и внезапно начинали действовать без предупреждения. Забастовка в начале 1941 года тысяч рабочих завода «Аллис-Чалмерз» в Милоуки, выполнявшего заказ на турбины стоимостью 40 миллионов долларов, – яркий пример проблем УПП. Хиллмэну приходилось вести переговоры с левыми профсоюзными деятелями, с фракциями АФТ – КПП, президентом компании, изоляционистом, который не признавал профсоюзы. Ему приходилось обсуждать статус профсоюзов – вопрос очень сложный в юридическом плане и взрывоопасный идеологически. Едва Хиллмэну и его помощникам удалось вернуть забастовщиков на свои места, как они столкнулись с забастовкой управляющего персонала. В то время как происходили эти события, приковавшие к себе внимание всей страны, консервативные конгрессмены обвинили Хиллмэна в прокоммунистических симпатиях и приготовились принять меры для ограничения права на забастовки.

Президент бросил клич: «Теперь быстрее». Но в конце зимы 1941 года, казалось, все ополчилось против действий нестабильной демократии.

БЕЛЫЙ ДОМ РУЗВЕЛЬТА

Однажды утром в начале апреля Джон Гюнтер, уже обративший на себя внимание своими конфиденциальными докладами о положении в Европе и Азии, навестил Белый дом, чтобы доложить Рузвельту о впечатлениях, вынесенных им из недавней поездки по странам Латинской Америки. Для доклада он располагал, как ему сказа Папа Уотсон, шестью-семью минутами: день напряженный, президент утомился. В это время Рузвельт беседовал с членами комиссии по округу Колумбия; они задержались так долго, что встречу Гюнтера с президентом пришлось перенести на после полудня. Когда его наконец впустили в Овальный кабинет, президент сидел откинувшись на спинку кресла, Фала кусала «говорящую» куклу, Мисси Лехэнд освобождала стол от газет. Рузвельт подался вперед, дружески приветствуя нового гостя. Быстро освоившись, Гюнтер сообщил, что посетил все двадцать латиноамериканских республик. Президент спросил:

– Какие хуже всех?

Панама, ответил Гюнтер, добавив, что президент ее – авантюрист и, кроме того, учился в Гарвардском университете.

– Подумать только! – удивился Рузвельт. – Нет, в самом деле, он действительно выпускник Гарварда? – Президент упомянул еще двух латиноамериканских диктаторов. Оба неприятные люди, и правда неприятные, на все способны, но и на хорошее тоже.

Гюнтер сидел и тревожился, что отнимает у президента время, но хозяин кабинета разразился целым монологом. В непринужденной манере говорил и говорил: встречался однажды с президентом Гаити Стенио Винсентом; Аргентина, без сомнения, представляет собой проблему, и решить ее можно лишь одним способом (Гюнтер вздрогнул) – «колонизировать» эту страну; ленд-лиз же – универсальное средство, ведь «деньги» (тут он многозначительно подмигнул) «говорят сами за себя»; между прочим, Иквитос (Перу) должен стать свободным портом; сам он сказал как-то бразильскому президенту Жетулиу Варгасу, что на его месте просто запретил бы приватизацию бразильского государственного коммунального хозяйства зарубежными дельцами; рассуждал о способах стимулирования туристского бизнеса в Чили; о том, как

некоторые глупые американские политики возражали против строительства Панамериканской автострады – она могла, видите ли, стать дорогой вторжения Соединенных Штатов («как будто настоящий агрессор использует дороги!»); вот знал бы Гюнтер одного парня из Пуэрто-Рико, – живет он на такой-то улице, женился на такой-то женщине, любил сухой мартини; он, Рузвельт, часто выступает с речами, проникнутыми идеализмом, хотя отлично знает, кого в Латинской Америке считают властью; а ни один латиноамериканец (смех) не знает, как управлять морским судном.

Внезапно, бросив быстрый взгляд (перехваченный Гюнтером), президент переключился на Европу. Замешательство Гюнтера росло, но теперь более – из-за кажущейся бестактности президента. Мы не готовы «пока» осуществлять эскорт коммерческих судов через Атлантику. Да, мощь Японии преувеличивается. Да, мы располагаем обстоятельными планами, как установить контроль над всей Атлантикой, включая Гренландию. Увы, потребуется около двух месяцев, чтобы наладить эффективную помощь Югославии. Да, Наталь необходим, но одной просьбы мало для владения им. В этом месте Гюнтер вмешался: высказал мнение, что до окончания войны «Юнион Джек» и «серп и молот» останутся союзниками и Красная армия «могла бы спасти нас всех».

– В самом деле? Почему вы так думаете? – рассмеялся Рузвельт.

«Прозвучал длинный телефонный звонок, и я собрался уходить, – писал позднее Гюнтер в своих мемуарах. – Президент поднял трубку, жестом попросив меня задержаться. Разговор по телефону занял минут десять – двенадцать; Рузвельт произносил: „Да, Гарри... Нет, Гарри... Я думал, это уже сделано, Гарри!“ Он казался сердитым и нервным, энергично тыкал карандашом в блокнот». Гюнтер решил сначала, что звонит Гарри Гопкинс, но, когда Рузвельт откинулся в кресле, прижимая к уху трубку, и начал длинный экскурс в историю внешней политики США и «твою» маньчжурскую доктрину, понял, что это Стимсон. «Затем я увидел, как лицо Ф.Д.Р. приобрело на миг болезненное выражение. Неожиданно он положил трубку, – очевидно, мистер Стимсон прервал разговор». Рузвельт протянул руку Гюнтеру:

– Ну, пока, мне нужно выезжать!

В положении Гюнтера оказывались многие посетители Белого дома. Долгое, томительное ожидание у двери кабинета президента, где сутился доктор Уотсон, пытаясь блюсти нечто похожее на регламент. Внезапное приглашение в просторный кабинет, сияющая улыбка и протянутая для приветствия рука, фамильярное обращение к гостю по имени (фамильярное особенно для англичан); легкий, плавный, эмоциональный, назидательный разговор, редко связанный с целью посещения. Многие гости, чувствуя себя обманутыми в своих ожиданиях, делали вывод, что президент не желает вникать в суть их проблем, умышленно отвлекает от них внимание, и были правы, но лишь отчасти. Рузвельту приходилось говорить, смеяться, рассказывать истории, драматизировать ситуацию, овладевать вниманием собеседника, демонстрировать свою поразительную осведомленность, искать примеры в собственном опыте и памяти, но при этом он не допускал никакой театральности, ни тени величавости. Сидя за письменным столом, перебирая сувениры и безделушки, президент своей экспансивностью, откровенностью и добродушием давал гостю возможность почувствовать себя непринужденно.

Белый дом носил отпечаток личности его хозяина. Теперь журналисты расписывали резиденцию президента как центр принятия решений «свободным миром», как средоточие власти Америки, экономический генеральный штаб антинацистской коалиции. Рузвельт стал президентом мира, писала «Нью рипаблик ТРБ» после прохождения в конгрессе законопроекта о ленд-лизе. Зарубежные гости, привыкшие к роскошным дворцам самых захудалых диктаторов, поражались отсутствию в данном случае «фасада» и декоративных излишеств. Тем более их очаровывали простота и изящество архитектуры Белого дома, некоторые детали декора, спортивные площадки. А важных персон – тех, кому повезло посетить второй этаж резиденции, – несколько брала оторопь при виде безвкусной мебели и беспорядка в комнатах.

Второй этаж был в чисто рузвельтовском стиле. По мнению Роберта Шервуда, президент и первая леди просто скопировали свои комнаты с апартаментов в Гайд-Парке. Точно так же весь этаж разделен пополам длинным, узким коридором, где стены бессистемно увешаны книжными полками, фотографиями коронованных особ (в большинстве лишившихся тронов) и гравюрами. В 1941 году Гопкинс жил в небольшой двухкомнатной квартире в юго-восточном углу здания. Элеонора Рузвельт занимала гостиную и спальню в юго-западном углу. Между их апартаментами располагался Овальный кабинет президента и рядом с ним – спальня и ванная комната. В северной стороне холла выстроились комнаты главным образом для гостей, большие и малые. В одной из них висела знаменитая карикатура Дороти Маккей «Эсквайр»: малыш пишет на мостовой перед своим домом имя Рузвельт, а его сестра жалуется матери, стоящей в дверном проеме: «Уилфрид написал гадкое слово».

Овальный кабинет, этот центр принятия решений «свободным миром», представлял собой в действительности скромное помещение, довольно небрежно меблированное, с морскими гравюрами и семейными фотографиями, приколотыми к стенам. Здесь Рузвельт любил сидеть по вечерам – позвонить приятелю, разобрать коллекцию марок, рассказать секретарям длинный анекдот. На третьем этаже помещалась гостиная и ванная комната Мисси Лехэнд (в 1941 году она серьезно заболела); другие комнаты использовались при избытке гостей, особенно внуками президента на Рождество. Шервуд вспоминал, что в Белом доме господствовала дружелюбная атмосфера небольшого городка; ее не нарушали ни штатные сотрудники дома, ни даже агенты спецслужб и полиции.

Вашингтонские репортеры с удовольствием усматривали некую символику в том, что президент квартировал в центре второго этажа здания, Элеонора – слева, а Гарри Гопкинс – справа. Это комментировалось в смысле предосудительного перехода Гопкинса из стана сторонников «нового курса» в лагерь тех, кто стоял за вмешательство в войну. Но на самом деле и первая леди, и первый помощник президента были убежденными либералами и интернационалистами. Если их политические позиции изменялись, то это отражало перемены у самого Рузвельта.

Через восемь лет пребывания в Белом доме Элеонора Рузвельт оставалась сострадательной, одухотворенной, активной женщиной, которая в 30-х годах посвятила себя делу социального обеспечения и либеральной политике. При помощи преданной Томми, Мальвины Томпсон, она все еще жила семью жизнями – жены, матери, хозяйки, газетного репортера Белого дома, лектора общенационального масштаба (сотня лекций в 1940 году, около трети из них – платные), рупора и организатора демократической партии и представителя Белого дома по связям с профсоюзами, неграми, молодежью, фермерами-арендаторами, бедняками, женщинами. Если она и не могла в любом случае отдалиться полностью одной из этих ролей, то, во всяком случае, научилась быть организованной и деятельной, все еще обладала энергией, которая пугала и забавляла страну в прежние годы. В своем возрасте, под шестьдесят, способна была проработать всю ночь и начать следующий день как ни в чем не бывало.

В ней сочетались совесть, почти невероятная обязательность и упорство. Именно в это время она поняла, что не могла бы, если бы и хотела, поддерживать с мужем романтические и даже близкие отношения. Состоя в браке тридцать шесть лет, они испытывали друг к другу привязанность и уважение, проявляли терпимость, но Рузвельт научился облачаться в личину, защищающую от назойливости супруги, а Элеонора – не выходить из роли помощницы президента, хотя и особого рода. Она общалась с президентом гораздо меньше, чем Талли Грейс или Мисси Лехэнд. Ее часто одолевали сомнения, иногда она чувствовала себя в многолюдном Белом доме очень одиноко. Но самообладание и страсть побуждали ее заняться очередной газетной статьей, лекцией и другими делами.

Гопкинс был сделан совсем из другого материала. Годы во власти и изнурительная болезнь мало изменили его. Он оставался пылким, ранимым, бестактным, неуважительным

чиновником, мог уязвить шишек военной промышленности так же немилосердно, как однажды третировал государственных служащих и благотворительные учреждения. Как и президент, он считал «новый курс» источником силы страны в военной обстановке, а не препятствием к вступлению в войну; но теперь, по его мнению, военные приготовления значили больше, чем мероприятия в рамках «нового курса». Он сделался столь же нетерпимым к либеральной идеологии, сколь и к бизнесменам-изоляционистам; обладал почти сверхъестественным чутьем в умении угадывать настроения Рузвельта. Знал, когда что нужно: дать совет шефу в форме лести или польстить в форме совета; надавить или отступить; говорить либо слушать; подчиняться или возражать. Кроме того, обладал замечательной способностью действовать в самой запутанной и сложной обстановке. Черчилль дал ему кличку Лорд Корень Вопросы.

Весной 1941 года исполнился год, как Гопкинс жил в Белом доме и платил свою цену за близость к высшей исполнительной власти. Икес во время поездки на рыбалку с президентом сказал Эверглейдсу, что Гопкинс входил в кабинет Рузвельта без предварительного уведомления и даже без стука и Рузвельт давал ему на просмотр секретные документы, которые не показывал никому другому. «Мне он не нравится, – поверил Икес своему дневнику, – и мне не нравится влияние, которое он оказывает на президента». Барух жаловался, что Гопкинс оберегал Рузвельта от контактов, подобно ревливой женщине, – кто-то еще «составил бы с ними треугольник».

Другие отзывались о Гопкинсе более снисходительно. Моргентау находил его лукавым и нервным, но абсолютно преданным президенту. У Стимсона были сложные отношения с Гопкинсом, тем не менее он записал в дневнике: «Чем больше я думаю об этом, тем больше прихожу к выводу, что его присутствие в Белом доме – большая удача». Рузвельту же Гопкинс нравился за острый ум, добродушный цинизм, пренебрежение протоколом, устаревшими правилами, умение разобраться в запутанных проблемах деятельности администрации. Когда Уилки, посетив Белый дом после выборов, спросил президента, почему он так приблизил к себе Гопкинса, хотя люди относятся к его помощнику с недоверием и раздражением, Рузвельт высказал свое мнение:

– Понимаю ваше удивление, что я нуждаюсь в этом получеловеке. Но когда-нибудь вы, может быть, сядете в кресло президента Соединенных Штатов и, когда это случится, будете смотреть на ту дверь и заранее знать, что, кто бы ни вошел в нее, он будет вас о чем-нибудь просить. Вы узнаете, что это за скучная работа – выслушивать такие просьбы, и почувствуете потребность иметь при себе человека, подобного Гарри Гопкинсу, который ничего не хочет, кроме как служить вам.

Возможно, президент преувеличивал из желания угодить Уилки, но в его словах сквозила убежденность. В апреле он сделал своего помощника ответственным за поставки по ленд-лизу и, таким образом, за принятие решений по экономическим, политическим и военным вопросам.

Белый дом Рузвельта – жилое помещение внутри особняка и особняк внутри правительственного учреждения. В 1941 году особняк открыли для посещения тысячам американцев, в том числе Голубую и Зеленую комнаты, столовую и все остальные помещения, где экскурсанты могли побродить в течение дня, а именитые гости и монархи – остановиться на ночлег. В этом же году президент свел посещение Белого дома публикой к минимуму, а с началом войны посещения в основном прекратились. Рузвельт проводил большую часть дня в Овальном кабинете в юго-восточном углу здания. Здесь через высокие окна он видел ограждения и сад.

Внешне Рузвельт придерживался определенного распорядка дня. Устроившись в 10.00 или около того за своим большим письменным столом, президент обычно посвящал остаток утра, а также время ленча (когда приносили горячую пищу) и часть полудня приему посетителей. Другую часть полудня диктовал письма и памятные записки, в основном в форме энер-

гичных, дружелюбных коротких посланий. Его неделя также укладывалась в определенный распорядок. В понедельник или вторник президент встречался с «большой четверкой» – вице-президентом, спикером и лидерами большинства в обеих палатах конгресса; во вторник после полудня или в пятницу утром – с прессой; по пятницам после полудня председательствовал на заседаниях членов администрации.

Этот график, однако, мог легко расстроиться из-за какой-нибудь нештатной ситуации, поэтому лучше считать, что у Рузвельта не было определенного режима работы вовсе. Иногда он торопился провести важные встречи или затягивал менее важные. Не отвечал на большинство писем, отсылал многие для ответа в соответствующие учреждения или передавал Уотсону, Эрли и Гопкинсу, чтобы они отвечали на них от своего или его имени. Иногда он даже сам писал письма, которые подписывал помощник или секретарь. Много разговаривал по телефону (редко по ночам), в ряде случаев отказывался подходить к телефону; встречался с незначительными, даже скучными людьми и игнорировал встречи с лицами, пользующимися большим политическим и интеллектуальным влиянием, – и все это в соответствии с какой-то мистической системой приоритетов, не понятной никому, возможно и ему самому.

Тем не менее, если Рузвельт и не придерживался в работе четкого распорядка и плана, это свидетельствовало о привычке ума, складе интеллекта и стиле поведения, которые можно определить одним словом – доступность. Через восемь лет тяжелого пресса обязанностей в Белом доме он оставался бесконечно любопытным, проявлял интерес к новым идеям, изобретениям, экспериментам. Переписывался или беседовал с поразительным количеством разнообразных людей: членами Верховного суда; монархами, в том числе королем Георгом VI и норвежским королем Хааконом; старыми друзьями из голландских графов; поэтами и писателями, включая Карла Сандбурга и Элтона Синклера; старыми друзьями семьи из округа Датчисс; радикалами, включая Нормана Томаса; журналистами; старыми, закадычными друзьями и дипломатами Уильямом Филиппсом из Рима, Фрэнсисом Сэйром из Манилы или Грю из Токио; старыми вильсонистами, включая Джозефуса Даниеля; главами правительств, в том числе канадским премьером Макензи Кингом; старыми мудрецами, например Гренвиллем Кларком из Нью-Йорка, Бернардом Барухом из Лафайет-парка, а еще – членами администрации, сенаторами, членами палаты представителей, помощниками министров, главами разных ведомств и агентств, губернаторами, мэрами, ведущими бизнесменами, фермерами, профсоюзными деятелями, ветеранами, представителями массы общественных организаций и их руководителями, лидерами оппозиции и повстанцами.

Такое обилие контактов не способствует глубине человеческих взаимоотношений. Никто, включая жену и сыновей, не мог сказать, что находится в близких отношениях с президентом и способен понимать его. Никто не стал бы утверждать, что незаменим для президента. Рэймонд Моли, Томас Коркоран и даже сын Рузвельта Джеймс лишь временами попадали под его влияние или выходили из-под него. Теперь, когда наиболее приближенным к президенту стал Гопкинс, других, включая Элеонору, интересовало, сколько времени продолжится это состояние их отношений и избежит ли Гопкинс сердечного удара, когда в нем отпадет необходимость. Рузвельт не питал привязанности ни к кому – мужчине, женщине, стране, союзнику или принципу, – но лишь к какой-то цели, столь глубоко в нем скрытой и в то же время столь трансцендентной, что немногие могли распознать ее в то сложное, бурное время.

Но Рузвельту некогда было задумываться над такими вещами. Он председательствовал в своем Белом доме с присущим ему добродушием. Старался получать информацию отовсюду, боролся с рутинной, скрытым сопротивлением организованной работе, сталкивал людей с разными взглядами, запирали соперников в комнатах, пока они не помирились. С одинаковой заинтересованностью развенчивал навязчивые идеи Икеса о выделении службы охраны леса из министерства сельского хозяйства; просьбу сына Джона по телефону устроить торжественный прием его жене и ребенку в Белом доме; просьбу Черчилля о неотложной помощи; требования Эле-

онеры назначать на государственные посты либералов и находил для всего время и здоровье. В чрезвычайной обстановке писал шуточные записки секретарям, уверял Икеса, что на следующей рыбалке выловит рыбу большего размера, вспоминал эпизоды из своего далекого детства и отсылал миссис Уотсон газетное фото Папы с «королевой» фестиваля «Яблочное цветение» (копии в секретную службу и ФБР). В канун величайшего испытания, когда Гитлер пустился в самую роковую авантюру современной истории, когда Рузвельт руководил в момент колоссальной опасности неподготовленной и демобилизованной нацией, «центр силы Запада» находился в суматошном кабинете исполнительного учреждения, расположенного в изящном особняке.

Глава 2

РАЗРАБОТКА БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ

Весеннее солнце теперь вставало раньше и поднималось выше. Оно растопило сугробы снега на московских улицах. Вешние воды понесли слякоть и грязь из Берлина, обернулись бурными потоками в горах Греции и Югославии. Под солнцем потянулись вверх маки на развалинах Лондона; зацвели каштаны вдоль набережной Сены в Париже; набухли почки на вишневым деревьях приливноотливной зоны Вашингтона; распустились пионы в императорских садах в Токио. Для солдат наступило время подготовки к боям. Вдоль бесконечных линий фронта и на морском побережье усиливалось патрулирование и наблюдение. Кроме того, это было время, когда Гитлер производил разведки боем, замышлял или предпринимал наступательные операции. В начале весны в разных столицах множились слухи о предстоящих действиях фюрера.

Боевые возможности Гитлера были таковы, что весной 1941 года он мог нанести удар в одном или сразу в четырех направлениях. Англичане все еще готовились отразить мощный десант немцев через Ла-Манш. Не оставляла тревога испанцев. Гитлер продолжал оказывать давление на Франко, домогаясь разрешения атаковать Гибралтар и затем переправиться в Африку. Каудильо не поддавался, но теперь поползли слухи, что нацисты собираются вторгнуться в Испанию и осуществить свои планы в любом случае. Тем временем Гитлер держал на коротком поводке вишистскую Францию. Поступали сообщения, что нацисты концентрируют бронетехнику и авиацию на Сицилии, чтобы поддержать терпящих поражение итальянцев в Ливии. Давлению нацистов подвергались и Балканские страны, раздираемые давними ссорами и междоусобицами.

В сложной шахматной игре Рузвельт следовал ходам Гитлера с нарастающим беспокойством. Неспособный к активным действиям из-за сопротивления конгресса, неадекватного вооружения и собственных сомнений, он тем не менее пытался что-то предпринимать. Так, Черчилль сообщил в конце марта, что торпедирован британский линкор «Малайя» во время конвоирования каравана грузовых судов, и заявил, что будет «весьма обязан», если линкор отремонтируют на верфях в США, – президент ответил, что будет рад этому. Гитлер потребовал от Петена присоединиться к «Оси», – Рузвельт поручил своему послу в Виши адмиралу Уильяму Д. Лихи подтвердить веру Америки в конечную победу англичан. Черчилль предупредил президента о планах Виши отправить линкор «Дюнкерк» из Орана в Тулон для ремонта, игнорируя опасность использования мощного боевого корабля в интересах нацистов, – Рузвельт поручил Лихи заявить Петену энергичный протест, который и возымел действие. Греки, опасавшиеся нацистского вторжения, попросили президента прислать 30 давно обещанных современных боевых самолетов, – главнокомандующий вооруженными силами США потребовал от командования ВМС отправить их (однако Греция была оккупирована до прибытия самолетов). Югославский князь Павел стал проявлять признаки уступчивости перед угрозами нацистов, – Вашингтон постарался убедить регента, что Южные Балканы не должны подчиняться Гитлеру.

Президент поочередно пользовался угрозами, взятками в виде поставок товаров по ленд-лизу, моральным увещанием и дружескими советами. Но его слова и дела оказались пустым звуком в условиях, когда самая могущественная демократия на земле призывала малые страны сопротивляться нацистскому нашествию, отделенная бездной Атлантического океана – тысячами миль от опасной зоны.

В этой тяжелой ситуации две великие демократии не совсем ладили друг с другом. Белый дом предпочитал в основном следовать либеральной политике в отношении Петена и жесткой в отношении Франко. Англичане настаивали на обратном. Черчилль хотел, чтобы Рузвельт

продемонстрировал военно-морскую мощь в Восточной Атлантике в назидание Португалии и другим нейтралам. Президент опасался провоцировать Лиссабон на враждебные действия и не хотел отвлекать силы флота из Тихого океана. Черчилль телеграфировал, что собирается занять Азорские острова, в случае если Испания уступит давлению нацистов или подвергнется их оккупации. Рузвельт отговаривал англичан предпринимать такой шаг до нападения нацистов на саму Португалию и добавлял: если англичане действительно высадятся на Азорах, они должны гарантировать, что это не станет постоянной оккупацией. «Мы не собираемся увеличивать размеры своей территории, – отвечал уязвленный премьер-министр, – мы только хотим сохранить свою жизнь, а возможно, и вашу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.